

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

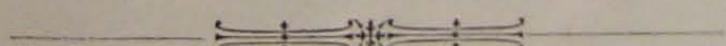
ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12.

1891.

Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ.

ГЛАВА IV.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

(Продолженіе).

Занятія Остяковъ: охота, рыболовство, оленеводство.—Знакомство ихъ съ рогатымъ скотомъ, овцами, лошадьми.—Собаки.—Пища Остяковъ: продукты охоты, оленеводства и рыбной ловли.—Посуда.—Хлѣбъ.—Питье Остяковъ.

Занятія прежнихъ Остяковъ тоже состояли исключительно въ охотѣ, рыбной ловлѣ и оленеводствѣ.

Охота производилась главнымъ образомъ при помощи лука и стрѣль; добыча состояла въ крупныхъ животныхъ, лѣсной и водяной птицѣ. Остякамъ была вѣроятно известна и значительная часть нынѣшихъ ловушекъ на пушного звѣря и птицу. Такъ, въ былинахъ встречаются «слопцы» (сѣсе), «перевѣсь» для утокъ (вѣса питъ, катт) и др. Наше предположеніе находитъ подтвержденіе и въ томъ, что большая часть этихъ ловушекъ, равно какъ и рыболовныхъ снастей, имѣла до прихода Русскихъ и имѣть въ настоящее время свои туземные названія, чего бы очевидно не могло быть, если бы они были заимствованы извѣдь.

Главныя старанія Остяковъ конечно были направлены на то, чтобы добыть оленей и лосей, доставлявшихъ имъ значительный запасъ пищи. Замѣтимъ, что прежде они встречались въ большихъ количествахъ, чѣмъ теперь. Охота за лосемъ считалась занятіемъ благороднымъ и достойнымъ князей и даже ихъ божества, какъ Тунк-пох и Паірѣхт'а, не гнушались испытать при этомъ свою ловкость. Способы ея были тѣ же, что и въ настоящее время въ здѣшнихъ краяхъ, почему мы и не станемъ ихъ описывать.

Не менѣе важнымъ средствомъ для пропитанія служило имъ рыболовство. Изъ способовъ его, которые имъ были знакомы, въ былинахъ упоминается ловъ при помощи прутяныхъ «мордъ» (пун), сѣтей изъ крапивной пряжи (ходып, сожеп), жердяныхъ запоровъ (вар). Вѣроятно они знали и другія ловушки.

Остяки умѣли добывать рыбу не только въ озерахъ и рѣчкахъ, но и морскую рыбу въ крупныхъ рѣкахъ, Иртышъ и Оби, гдѣ ловъ требуетъ большаго искусства и болѣе крупныхъ снастей. Такъ, въ былинахъ нерѣдко поминается осетръ, «струна» котораго употреблялась богатырями на «рыбй клей» (а j е м), напр. для склеиванія обѣихъ половинокъ лука, для покрытия струнъ «домры» и т. д. и мясо и жиръ котораго составляли ихъ любимое лакомство. Упоминаются въ нихъ и нельма, налимъ и стерлядь, которые также являются обитателями названныхъ двухъ потоковъ, не говоря уже объ озерной и рѣчной рыбѣ, какъ чебакъ, окунъ, ершъ, щукъ, которая составляла и составляетъ обыденную пищу Остяковъ всѣхъ временъ и мѣстностей.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о лодкахъ, безъ которыхъ въ этой сѣверной странѣ немыслимо никакое сообщеніе въ лѣтнее время. Они одинаково необходимы для охоты и рыболовства, въ мирное и военное время. Лодки (хоп, рѣт) тогда употреблялись исключительно долбленыя и поэтому толстая осины, а также другія деревья, годныя для этой цѣли, назывались хоп-жух, рѣт-жух (жух-дерево). Крупные лодки для плаванія по большиимъ рѣкамъ назывались рѣт (у Бог. рѣт), терминъ, который еще по нынѣ сохранился по р. Салыму. Эпитетомъ остяцкой лодки было выраженіе јинет-пуіпен'агат рѣт—«грузная лодка съ водянымъ задомъ», самоѣдской также и јагарсей-пуіп рѣт—«лодка съ раздвоенной кормой», такъ какъ лодки Самоѣдовъ имѣли корму нѣсколько другого устройства. Оно, по словамъ Остяковъ, еще и теперь сохранилось отчасти у этихъ обитателей крайняго сѣвера.

Лодки нѣкоторыхъ богатырей, предназначенные для войны, были изукрашены изображеніями звѣрей и птицъ (тегет-вѣре ханг'еп рѣт).

Имѣлись также и «крытыя» лодки (хорѣй рѣт), причемъ на крышу употреблялась береста, какъ это мѣстами ведется и теперь. Изъ мѣстныхъ преданій мы узнаемъ, что кроме деревянныхъ лодокъ въ данной мѣстности были въ ходу и берестяныя. Ихъ напр. употребляли Самоѣды во время своихъ походовъ вглубь остяцкой страны. Черезъ волока ихъ легко перетаскивали на себѣ. Нѣкоторые дѣлаютъ еще предположеніе, что у Самоѣдовъ прежде были и лодки изъ кожъ¹⁾.

Большій интересъ для насъ представляетъ оленеводство. Оно теперь значительно слабѣе развито, чѣмъ прежде. Во времена, описываемыя былинами, область оленеводства простидалась гораздо далѣе къ югу, чѣмъ теперь. Нынѣ въ нижней части Оби оленей держать не южнѣе Березова, а прежде они разводились не только по всей средней Оби, но и въ нижнемъ

¹⁾ Замѣтимъ къ слову, что тѣ и другія еще и понынѣ въ употребленіи у обитателей сѣвера Америки: первыя — у Индѣйцевъ Аляски и Британскихъ колоній, вторыя — у Эскимосовъ.

течениі Иртыша, почти до р. Демьянки т. е. всего 250 верстъ къ съверу отъ Тобольска, а можетъ быть и южнѣе. Олени въ то время были въ описываемой мѣстности единственными домашними животными. Они доставляли Остякамъ мясо и сало для пищи и шкуры на одежду и служили въ качествѣ перевозочныхъ животныхъ. Безъ нихъ не обходилось ни одно жертвоприношеніе и ни одинъ ширь. Ни одинъ зимній походъ не могъ состояться безъ нихъ: благодаря ихъ легкости, всюду, гдѣ лежалъ снѣгъ, для Остяка была открыта дорога.

Для упряжи употреблялись повидимому только оленные быки (хѣр). Это соблюдается и теперь на съверѣ. Санки (огот) были легкой постройки и прикреплялись къ животнымъ при помощи ремней. Болѣе зажиточные князья покрывали себя при Ѣздѣ на санкахъ пестрымъ одѣяломъ или ковромъ (ітін ланк, ханг'ен нар).

Безбѣдное существованіе Остяковъ было связано съ обладаніемъ этимъ животнымъ. Размѣры оленеводства въ тѣ времена намъ не известны, но, судя по всему, ихъ держали въ достаточномъ количествѣ, а у князей были даже значительные стада. Изъ нихъ они обыкновенно отпускали животныхъ для общественныхъ жертвоприношеній.

Рогатый скотъ лишь въ послѣдствіи сдѣлался извѣстенъ Остякамъ, отчего и не имѣть туземныхъ названій, а именуется заимствованными изъ татарскаго: корова—сагар, быкъ—үгес¹). Въ моихъ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ о немъ, какъ и объ овцѣ (ош), совершенно не упоминается. Впрочемъ, эти животныя, какъ болѣе южныя и требующія помѣщеній и заготовки съна на зиму, не могли для безопаснаго Остяка замѣнить оленей: послѣдніе доставляли имъ пищу и одежду и не требовали никакого ухода.

Лошадь (таяу) была извѣстна Остякамъ вѣроятно раньше, чѣмъ коровы и овцы, и иногда упоминается въ былинахъ. Она однако, повидимому, не была домашнимъ животнымъ Остяка уже по той причинѣ, что въ здѣшней болотистой мѣстности, изрѣзанной рѣчками и озерами и на добрую половину покрытой лѣсомъ, лѣтомъ не можетъ производиться сообщеніе на коняхъ, а зимой, въ виду глубины снѣговъ и отсутствія дорогъ, только съ трудомъ. Къ тому же онѣ также требуютъ извѣстнаго ухода. Впрочемъ въ одной былинѣ разсказывается, что трое князей изъ города Кары-поспат-үрадат-вош отправились въ походъ на полуденную сторону и привезли оттуда по «славному крылоногому животному» (тѣхтѣн-курпе јем воје) и по красавицѣ полуденной страны. Далѣе описывается, какъ они пустились на этихъ крылоногихъ животныхъ настигать

¹⁾ Есть еще другія названія: мїс—корова; кѣр—мїс—быкъ, которые сродны съ алтайск. мүүсъ (слов. Турецк.—тат. нар. Л. Будагова).

Эмдерскихъ богатырей, догнали ихъ и изрубили. Здѣсь „крылоногія животныя полуденной страны“ безъ сомнѣнія—коны.

Въ другой былинѣ изъ области р. Демьянки встрѣчается даже „крылатый конь“ (понтій тау), который поднималъ всадника подъ облака. Однако эта послѣдняя былина носить нѣсколько иной характеръ и поэтому кое-что въ ней могло быть заимствовано у сосѣднихъ кочевыхъ племенъ.

Употреблялись кони въ тѣ времена вѣроятно главнымъ образомъ для жертвоприношеній. Обычай этотъ, судя по Гр. Новицкому, заимствованъ ими у сосѣднихъ Татаръ и поэтому соблюдался вѣроятно только въ южныхъ мѣстностяхъ; сохранился онъ между Остяками и по настоящее время.

Другимъ домашнимъ животнымъ прежняго Остяка, кромѣ оленя, была собака (амп, ло́на): ее держали ради охоты и отчасти въ качествѣ перевозочного животнаго. Судя по одному героическому разсказу, видно, что у Самоѣдовъ собака служила и жертвеннымъ животнымъ, что мнѣ подтвердили и нѣкоторые старые Остяки¹⁾). Напр. голова Самоѣда Сос Тұрума, избѣгнувъ меча осяцкаго богатыря, говорить послѣднему между прочимъ: „что же касается меня, то пусть многочисленные мужи самоѣдской земли принесутъ сюда предназначенные мнѣ чаши и туяси, пусть приведутъ въ качествѣ кровавой жертвы хвостатыхъ и шерстистыхъ собакъ“.

Пища Остяковъ состояла изъ продуктовъ оленеводства, рыболовства и охоты. Мясо повидимому не всегда употреблялось Остяками въ сыромъ видѣ въ противоположность Самоѣдамъ, за это и получившимъ отъ Остяковъ прозвище: н’ара нога тѣда хор ѡранет—„Сыре мясо ъдающіе оленные Самоѣды“²⁾). Его чаще варили въ большихъ котлахъ (сарап, пут). Послѣдніе вѣрно были изъ мѣди. Въ былинахъ упоминаются котлы съ желѣзной ручкой (карт-нурпе нурый пут)³⁾ и большие котлы съ 7 ушками (табет пыдеп сарап)⁴⁾. Рыба же употреблялась въ сыромъ, сущеномъ и вареномъ видѣ. Оленье и лосиное сало и осетровый жиръ считались большими лакомствами и подавались гостямъ. Помѣщалось то и другое въ берестяныхъ корзинахъ, лукошкахъ, туясяхъ, какъ и сухая рыба и жидкости. Эти берестяныя корзины были разныхъ фасоновъ и величинъ (куч, кучум, сойен, хаинт,

¹⁾ То же самое мы встрѣчаемъ у племени Чукчей «Намолло».

²⁾ Интересно, что подобное же прозвище было дано обитателямъ крайнаго сѣвера Америки, Эскимосамъ, ихъ болѣе южными сосѣдями, Индѣйцами. Именно, слово «эскимось» произошло изъ словъ индѣйского племени Алгокиновъ «эскимантсикъ», что значитъ «ѣдающіе сырое мясо».

³⁾ Въ 1888 году, въ бытность мою въ Самаровской вол., въ д. Торопкахъ, мнѣ удалось извлечь изъ древней могилы средней величины котелокъ изъ красной листовой мѣди и съ желѣзной ручкой. Возможно, что онъ русскаго происхожденія.

⁴⁾ Слово сарап значить также «зырянинъ», что наводитъ на мысль, что Остяки получали котлы при посредствѣ этого народа.

ј і ї е т, к і т'). Употреблялась также и глиняная посуда, которая въ былинахъ имеется просто словомъ а на — чашка, тарелка, блюдо¹⁾. Ёли почти всякую пищу руками, за исключениемъ жидкой; для нея предназначались большія и малыя деревянныя ложки (тыі, н'а л'а), которые выдѣливались при помощи инструмента кайрас. Рыбій жиръ обыкновенно не ёли ложками, а въ него мокали куски рыбы. Въ видѣ лакомства ёли также и разнаго рода ягоды, изобилльные въ ихъ странѣ: бруснику, чернику, морошку, черемуху, ягоды шиповника и боярышника и т. под., ихъ запасали также на зиму.

Слово тант, часто употребляемое въ осяцкомъ эпосѣ, можетъ насть ввести въ заблужденіе относительно знакомства Остяковъ съ продуктами земледѣлія, такъ какъ въ настоящее время тант означаетъ всякий хлѣбъ въ зернѣ, главнымъ образомъ рожь, ват'-тант—ячмень. Въ этомъ же смыслѣ употреблено оно въ эпитетѣ Иртыша: Тантый Тайат ноува ѡинк—«хлѣбородный Иртышъ, бѣлая (мутная) вода». Прежде же это слово, повидимому, имѣло болѣе широкое значеніе и примѣнялось для разнаго рода пищи, преимущественно для наиболѣе употребительной—рыбы. Выраженія с б р м ѿ тант, тѣбын тант²⁾, часто встрѣчающіяся въ былинахъ и сказаніяхъ и означающія вѣроятно «сухое и мягкое жито», могутъ поэтому означать и сухую и мягкую (свѣжую) рыбу, какъ и полагалъ одинъ изъ инородцевъ, мой учитель осяцкаго языка.

Слѣдующія сложныя слова: вата-тант—«оленій мохъ» и тада-тант—«голодъ» тоже могутъ быть легко объяснены при этой гипотезѣ. Первое выраженіе состоитъ изъ словъ вата—«олень» и тант—пища. Тада-тант изъ тада—«пустой», «отсутствующій» и того же слова тант.

Но съ другой стороны есть и иные, болѣе существенные, указанія на то, что Остякамъ отчасти было знакомо жито—это постоянно упоминаемая въ былинахъ «чаши и берестяные туяси съ пѣнящимся отверстіемъ» (н'аурый оны пана, н'аурый оны п јїнет), подъ которыми можно подразумѣвать только сосуды, наполненные осяцкой брагой. Въ настоящее время она приготавляется изъ ячменной или ржаной муки съ примѣсью хмѣля или растенія арагепе и носить название пусса. Возможно, что то же было и въ прежнее время, если не предположимъ, что они имѣли другіе суррогаты для ея приготовленія, напр. березовый сокъ, который однако въ настоящее время значенія не имѣть.

¹⁾ Въ городкахъ въ изобиліи находять черепки отъ глиняной посуды, изукрашенной разными узорами и рисунками.

²⁾ С б р м ѿ т—мертвый, сухой; тѣбын—можетъ быть есть синонимъ слова тѣбест—мягкій. Это слово мало понятно нынѣшнимъ Кондинскимъ Остякамъ, такъ какъ вѣроятно оно—архаизмъ.

Если Остяки были знакомы съ хлѣбомъ, то можно допустить, что они получали его ¹⁾ отъ болѣе южныхъ племенъ, жившихъ напр. около Тобольска, гдѣ дѣйствительно при раскопкахъ ²⁾ находили въ землѣ остатки земледѣльческихъ орудій и приборовъ, служившихъ для дробленія зерна. Въ виду того, что эти предметы повидимому татарского происхожденія, возможно, что Остяки получали хлѣбъ отъ татаръ и что понятіе о брагѣ было внесено въ былины уже въ послѣдствіи, когда земледѣліе, при ихъ владычествѣ, сдѣлало значительные успѣхи въ Тобольской губерніи. Именно, изъ исторіи мы знаемъ, что и сѣверные Татары, жившіе о бокъ съ Остяками, съяли отчасти хлѣбъ; такъ атаманъ Брязга, предпринявъ въ 1581 г. походъ въ страну Остяковъ, уже въ Аремзянской волости, т. е. въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Тобольска, засталъ хлѣбопашество.

Что же касается до нынѣшняго слова «п у с с а, п ў с а», то оно татарского происхожденія и въ былинахъ не употребляется. Примѣнялась брага при жертвоприношеніяхъ и пилась на слѣдовавшихъ за ними пирахъ. Въ другихъ рассказахъ и преимущественно въ сказкахъ она именуется словомъ с а р ј і н к. Въ сказкахъ же встрѣчается еще другой напитокъ м а г - ј і н к — «медь» или вѣроятно «медовая вода». Водились ли пчелы въ прежнее время въ Тобольскомъ округѣ, не известно, вѣроятно нѣтъ, потому что иначе онѣ водились бы и теперь. Скорѣе предположить, что Остяки получали медъ отъ Зырянъ, въ странѣ которыхъ водятся пчелы и которые въ прежнее время играли до известной степени роль цивилизаторовъ С.-Зап. Азіи. Это предположеніе подтверждается и сходствомъ названий снова «медъ» на обоихъ языкахъ (по зыр: м а).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ напиткѣ, который прежде былъ въ ходу среди финского населения тобольского округа и который отчасти и понынѣ еще употребляется въ глухихъ углахъ сѣверо-западной Сибири — это, наваръ изъ березового нароста: у ш-ј і н к. Онъ же имѣлъ значеніе и въ народной медицинѣ.

Слово «водка» (в і на, пы г д е ј і н к), встрѣчающееся въ одной былинѣ, есть ничто иное, какъ рѣзкій анахронизмъ, и дальнѣйшаго разъясненія не требуетъ. Она вошла во всеобщее употребленіе у Остяковъ лишь въ XVIII столѣтіи, такъ какъ еще Гр. Новицкій, писавшій въ началѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ, что вода есть единственное питье Остяковъ. Не упоминаетъ онъ ничего и о брагѣ, безъ которой въ настоящее время не обходится ни одно жертвоприношеніе.

¹⁾ Возможно, что Остяки впервые познакомились съ хлѣбомъ отъ Зырянъ, такъ какъ у нихъ общее слово для выражения понятія «хлѣбъ» — н'а н'; тоже у Вотяковъ. Оно еродно съ перенан.

²⁾ Здѣсь имѣются въ виду раскопки, производившіяся на мѣстѣ бывшаго городка Искера (Сибири) любителемъ археологомъ Знаменскимъ.

Роль водки въ прежнее время, какъ отчасти и теперь на глубокомъ сѣверѣ, игралъ мухоморъ (пах), который, съѣденный въ достаточномъ количествѣ (отъ 7 до 21, и даже болѣе, штукъ), производить временное возбужденіе и вызываетъ сильныя галлюцинаціи. Ёдять мухоморы обыкновенно въ сухомъ видѣ, запивая ихъ водой, или предварительно намазавъ ихъ масломъ или жиромъ.

ГЛАВА V.

Князья—военное сословіе.

Начало княжеской власти принадлежитъ весьма отдаленному времени. — Богатство князей.—Отношени¤ простыхъ людей къ князю.—Отношени¤ князей между собой.—Совмѣстное правленіе нѣсколькихъ князей.—Дробленіе княжествъ и сліяніе нѣсколькихъ въ одно.—Образъ правленія.—Народныя собранія и пиры.—Князья—военная каста.—Воинскія упражненія.—Ристалища.—Доказательства силы и отваги князей.—Плачъ князей.—Рогъ—символъ радости.—Другія качества, характеризующія князя-богатыря: соблюденіе клятвы, благородство въ манерахъ, жестокость и великодушіе къ врагамъ.—Кровавая месть.—Умственное превосходство богатырей надъ простыми людьми.—Способность ихъ принимать образъ животныхъ.—Общечеловѣческія чувства.

Относительно происхожденія князей мы ничего не можемъ сказать. Возможно, что они были выбраны главами рода, благодаря своимъ особымъ доблестямъ и силѣ. Случилось это вѣроятно въ эпохи, предшествовавшія той, въ которую слагались былины, такъ какъ въ нихъ мы во всякомъ владѣніи застаемъ не только главу-князя, но и цѣлую родовую аристократію изъ лицъ княжеской фамиліи. Въ описываемый периодъ княжеское достоинство было наследственно и не доступно для простыхъ людей.

Своимъ богатствомъ осяцкіе князья значительно превосходили своихъ подданныхъ. Оно выражалось не только въ болѣе дорогихъ одеждахъ и доспѣхахъ, но и во всей ихъ домашней обстановкѣ. Ихъ помѣщенія были хотя того же типа, но нѣсколько больше и лучше устроены: судя по былинамъ, поль у нихъ былъ изъ деревянныхъ половицъ, соединенныхъ между собою желѣзными и жестяными скобками. Они имѣли особыя помѣщенія, гдѣ у нихъ хранились разныя цѣнныя вещи (вѣгат ўдем, ташат ѻдем тага)¹⁾ пушной товаръ, сукно, шелкъ, металлы, оружіе²⁾ и т. д.

¹⁾ Буквально: «место, где находился металъ и товаръ».

²⁾ Напр. историкъ Мюллеръ (стр. 201) приводить слѣдующій перечень имущества, награбленного въ 1594 г. Русскими и Остяками у князьца Кондинскихъ Богульцевъ: «2 вѣничка серебряныхъ, 426 соболей, 13 чернобурыхъ и бурыхъ и красныхъ лисицъ, 61 бобръ, 1000 бѣлки, завѣса дорогинсна, а опущенна камчишкою двоелищнею и т. д.»

Амбары (къма, кама) ихъ домашнихъ боговъ были переполнены соболиными и другими дорогими мѣхами. Они обладали многочисленными стадами оленей. Наконецъ они имѣли возможность содержать нѣсколько женъ, напр. про богатыря Сонгхуша въ былинѣ говорится: „съ семи концевъ свѣта онъ взялъ въ жены семь дѣвицъ“¹⁾, что несомнѣнно указываетъ на значительное удовольство. Этотъ обычай и теперь еще отчасти сохранился на языческомъ сѣверѣ Тобольской губерніи, гдѣ болѣе зажиточные Остяки и Самоѣды имѣютъ по 2 и по 3 жены. Но все же разница въ образѣ жизни князя и простаго народа у Остяковъ не походила на различія между властителями и подданными болѣе цивилизованныхъ народовъ востока.

Какъ и простой народъ, князьки ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя занимались этимъ болѣе для своего удовольствія, чѣмъ по необходимости. Всѣ они имѣли извѣстное число слугъ и служанокъ, вѣроятно рабовъ, на обязанности которыхъ лежали не только всѣ домашнія работы, но и снабженіе ихъ пищею и обереганье ихъ стадъ оленей и т. д. Кромѣ того о нуждахъ ихъ заботился и простой народъ, который ихъ чуть не богоизбралъ.

Почти одинаковымъ съ ними почетомъ пользовалось все княжеское сословіе, не взирая на ступени родства. Такжѣ и отношенія лицъ княжеской семьи между собой не оставляли желать ничего лучшаго и были основаны на патріархальныхъ началахъ или на подчиненіи младшихъ старшимъ. Самые старшіе въ роду считались главами народа (ұх), независимо отъ числа ихъ. Поэтому мы нерѣдко встрѣчаемъ въ осяцкихъ городкахъ 2 и 3-хъ князьковъ одновременно. Въ виду такой сравнительно равноправности лицъ княжескаго достоинства, мы не находимъ въ осяцкомъ героическомъ эпосѣ какихъ-либо указаний на сильныя столкновенія сыновей князя между собой или съ другими родственниками изъ за власти; напротивъ, въ одной былинѣ мы встрѣчаемъ въ городе двухъ правящихъ князей—братьевъ, въ другой тоже двухъ: дядю и племянника. Во всѣхъ случаяхъ, когда народъ начиналъ говорить, онъ обращался со своей рѣчью ко всѣмъ имъ, считая ихъ такимъ образомъ равноправными главами, и не только къ лицамъ мужескаго пола, но и къ лицамъ женскаго пола. Къ послѣднимъ, впрочемъ, только для формы, чтобы увеличить красоту стиля, чтѣ, какъ мы видѣли выше, отчасти достигается повтореніемъ однозвучныхъ или близкихъ по смыслу словъ. Женщины же ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ княжества активнаго участія не принимали.

Сами же князья часто уступаютъ первенство старѣйшему изъ своей среды, называя его «главой города» (воч-ұх), но только въ виду его возраста и предполагаемой болѣшей опытности. Если же происходило какое-нибудь недо-

¹⁾ См. вып. III, стр. 94.

разумѣніе между ними, то они дѣйствовали, какъ лица равноправныя. Иногда случалось, что они дѣлили все владѣніе и всѣхъ подданныхъ на два особыхъ маленькихъ, независимыхъ другъ отъ друга, княжества. Такимъ образомъ въ одной изъ былинъ, гдѣ правилъ городомъ дядя и племянникъ, они, повздоривъ, рѣшили раздѣлить свой городъ на двѣ части и привели это въ исполненіе. При этомъ они раздѣлили поровну и людей.

Подобное дробленіе владѣнія могло быть тѣмъ легче произведено, что въ городкахъ, гдѣ имѣлось двое и болѣе князьковъ, каждый изъ нихъ повидимому управлялъ извѣстною областью его и былъ начальникомъ надъ извѣстнымъ числомъ воиновъ, даже въ томъ случаѣ, если они жили въ одномъ городкѣ. Такимъ образомъ въ одномъ сказаніи, при описаніи вербовки воиновъ, говорится: «младшій мужъ всталъ, взялъ полно изъ за чуvalа (очага), срѣзалъ на немъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей области, и старшій мужъ взялъ полно изъ за чуvalа, срѣзалъ на немъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей стороны»¹⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи каждый изъ братьевъ является начальникомъ надъ своимъ отрядомъ, хотя только старшій изъ нихъ имѣеть званіе «главнокомандующаго войсками» (т’а т’-ұх). Аналогичный примѣръ мы встрѣчаемъ въ исторіи: въ Демьянской волости, при завоеваніи ея Русскими, считалось два городка и имѣлось двое князей: Нимньянъ и другой, котораго историкъ называетъ христіанскимъ именемъ Романомъ.

Иногда, на оборотъ, одинъ какой-нибудь князекъ являлся главой двухъ и болѣе городковъ, причемъ въ послѣднихъ въ этомъ случаѣ уже не было своихъ начальниковъ. Возможно, что каждый изъ этихъ городковъ прежде составлялъ отдѣльную небольшую волость—въ исторіи нерѣдко упоминаются крошечные волости въ 3—5—10 платежныхъ душъ или около 12—20—40 душъ обоего пола—и что въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ соединились по 2—3 вмѣстѣ ради самозащиты. Такимъ образомъ Кодскій князекъ Лугай правилъ 6-ю городками²⁾. Другой влиятельный князекъ, Самаръ, господствовалъ надъ низовьями Иртыша и надъ смежной частью Оби. Еще болѣе, въ отдѣльныхъ случаяхъ, усилилась власть князей при русскомъ владычествѣ, когда нѣкоторые изъ нихъ, напр. Алачевъ, были поставлены правителями надъ многими волостями, но за то весьма многие другіе были при этомъ сравнены съ простыми людьми.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о Цингалинской волости, расположенной по обоимъ берегамъ Иртыша, въ виду чего весьма вѣроятно, что каждый изъ князей управлялъ однимъ берегомъ. Это подтверждается и преданіемъ, которое сохранилось у Цингалинскихъ Остяковъ о 2-хъ князьяхъ, братьяхъ Санхазе, которые жили на высотахъ обоихъ береговъ Иртыша и, имѣя всего одинъ топоръ, перекидывали его въ случаѣ надобности другъ другу черезъ рѣку.

²⁾ Куноватъ, Ильчма, Ляпинъ, Мункосъ, Іуиль и Березовъ (Милл. ibid. стр. 159).

Верховныхъ властителей надъ болѣе или менѣе крупными областями, подъ властью которыхъ группировались бы вышеупомянутые мелкіе князьки, въ описываемый періодъ въ данномъ краѣ не существовало, не говоря уже о царяхъ, понятіи, повидимому, чуждомъ Остякамъ того времени и вошедшемъ въ ихъ языкъ лишь въ послѣдствіи, при ихъ столкновеніяхъ съ Татарами. Въ виду этого слова «царь»—хон, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе татарскаго слова «ханъ».

И такъ мы видимъ крайнюю децентрализацію власти у осяцкаго народа, если его разсматривать какъ одно цѣлое. Стремленіе къ національному единству никогда не проявлялось не только у всего осяцкаго народа и у отдельныхъ его племенъ, но, какъ мы видѣли, даже у составлявшихъ племена родовъ.

Образъ правленія въ мелкихъ осяцкихъ княжествахъ имѣлъ нѣкоторое отдаленное сходство съ монархическимъ деспотическимъ. Всѣ дѣла вѣроятно рѣшали сами князья; при наиболѣе важныхъ дѣлахъ, они однако созывали народное собраніе, на которое, хотя и собирались все населеніе города и селеній, однако правомъ голоса повидимому пользовались только старѣйши въ родѣ, къ какому-бы званію они ни принадлежали. Съ ними князья только и совѣщались.

Всякое народное собраніе начиналось жертвоприношеніями богамъ и общимъ широмъ, на который созывался народъ однимъ изъ рабовъ князя. Насытившись пищей, старики открывали собраніе, обратившись съ рѣчью къ князьямъ и прося ихъ выяснить причину настоящаго соборища и пира. Или, такъ какъ такой причиной была почти исключительно задуманная война, то старики нерѣдко прямо ихъ спрашивали, въ какую сторону будетъ направленъ походъ и, узнавъ куда, разсуждали, сколько шансовъ имѣть за себя данное предпріятіе и стоитъ-ли его вообще начинать. Князья, выслушавъ совѣты стариковъ, все-таки обыкновенно рѣшали дѣло по своему, въ виду чего собранія продолжались недолго и оканчивались вербовкой воиновъ для похода.

Для большей наглядности приведемъ образецъ такого совѣщанія князей со стариками: „Княгини нашего города и князья нашего города! начинаютъ они, на какой край земли сосредоточили вы ваше вниманіе, рѣчи вашей начало, слова вашего начало, вы намъ откроите, въ какой край земли вы желаете направить воиновъ¹⁾ со стриженными головами, сватовъ со стриженными головами? Младшій мужъ (князь) отвѣчалъ: «Мы снаряжаемся въ городъ Кроваваго богатыря, старика Нангхуша, ради младшей дочери Нангхуша, дѣвицы». Многочисленные сѣдоголовые старцы сказали: «Въ городъ Кроваваго богатыря старого Нангхуша, отправлялось много мужей. Какъ они опрокинули свои грузные лодки съ водяной кормой, въ которыхъ сидѣли, на вилковатые сучья,

¹⁾ Эпитетъ воиновъ и сватовъ сарыи мнѣ непонятенъ, почему и выпущенъ.

подобные ногамъ журавлей, такъ онъ и поросли оленымъ мохомъ высотой въ пядь». Младшій братъ сказалъ: «Мы-же, сыновья Іаветта-кѣтпе хуі и Тяпарской женщины, (все таки) отправимся въ городъ Кроваваго богатыря, старого Нангхуша. Если мы и опрокинемъ нашу глубокосидящую лодку съ водяной кормой, въ которой мы ѿхали, на виловатые колыя, подобные журавлиннымъ ногамъ, то какъ это приведется, чтобы она поросла оленымъ мохомъ высотой въ четверть!»“. Послѣ этихъ словъ богатыри считаютъ походъ уже рѣшеннымъ и приступаютъ къ вербовкѣ воиновъ.

Прибавимъ здѣсь еще, что народныя собранія совершились въ особыхъ крупныхъ общественныхъ зданіяхъ (см. выше), сооруженныхъ для этой цѣли. Несмотря на свои сравнительно значительные размѣры, они во время пиршествъ наполнялись биткомъ или, какъ говорится въ былинѣ, народъ набивался въ нихъ въ такихъ массахъ, «какъ окуни и плотва въ морды».

Князья представляли изъ себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну отъ вѣнчанихъ враговъ. Они участвовали въ войнахъ не только въ качествѣ полководцевъ, но, благодаря своимъ военнымъ качествамъ, они, не взирая на свою сравнительную малочисленность, имѣли рѣшающее значеніе въ столкновеніяхъ съ врагами. И въ связи съ этимъ все воспитаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ закаленныхъ бойцовъ. Предоставивъ домашнія дѣла женщинамъ и служамъ, они значительную часть своего времени посвящали физическимъ упражненіямъ, развивающимъ силу и ловкость. Ихъ любимымъ занятіемъ была охота, преимущественно за крупными звѣрьми, лосемъ и оленемъ. При этомъ они упражняли силу своихъ ногъ бѣгомъ на лыжахъ и руку въ натягиваніи тугаго лука.

Если время не благопріятствовало охотѣ, они устраивали состязанія и военные игры на особыхъ чистыхъ площадкахъ около города, на такъ называемыхъ јантта-хар, јакта-хар, что въ переводѣ значитъ: «площадь для игръ» и «площадь для пляски». Въ сказкахъ народная фантазія рисуетъ подобныя ристалища богатыхъ князей изъ мѣди и серебра. На эти игрища сходились конечно только князья-богатыри, простой же народъ, которому не прি�личествовало вступать въ поединки со знатью, только созерцаль потѣхи своихъ князей. Иногда кромѣ своихъ князей въ происходившихъ тутъ состязаніяхъ принимали участіе и сосѣдніе, даже чужеземные, богатыри, пришедши сюда ради приобрѣтенія жены или изъ простаго желанія помѣряться силою съ тѣмъ или другимъ славнымъ богатыремъ.

Эти игры состояли въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ прыганьѣ черезъ натянутые между двумя столбами ремни, въ борьбѣ, въ бѣгѣ въ перегонку на лыжахъ, въ метаніи другъ въ друга каменныхъ глыбъ при помощи ноги и въ тому подобныхъ упражненіяхъ.

Отсутствие тяжелого труда, обильная пища и физическая упражнения сдавали изъ князьковъ людей гораздо болѣе приспособленныхъ къ войнѣ, чѣмъ были прочие Остяки. Своимъ ростомъ и своей силой они ихъ значительно превосходили. Когда богатырь шелъ, земля дрожала; когда онъ ступалъ на половицы пола, онъ гнулись подобно кружку изъ тонкаго прута и, прибавляясь остыцкій бардѣ, «не укрѣпи ихъ хорошій плотникъ во время постройки при помощи желѣзныхъ и жестяныхъ скобокъ, не выдержали бы онъ». Попадая стрѣлой въ толстые кедры, богатырь ихъ пробиваетъ насеквоздь; онъ перепрыгиваетъ черезъ ремни, натянутые на высотѣ нѣсколькихъ саженъ. Онъ безъ труда могъ засунуть цѣлое весло въ твердую землю. Когда онъ гребеть, то однимъ взмахомъ весла проѣзжаетъ три поворота рѣки и оставляетъ позади себя такие валы, что ими выбрасываются на поверхность воды всѣ нельмы и осетры, находившіеся на днѣ.

Про легкость ногъ нѣкоторыхъ богатырей мы узнаемъ слѣдующее: въ одномъ сказаніи передается, что богатырь Салханъ, желая показать врагамъ быстроту своего бѣга, привязалъ къ своему поясу лопату на длинномъ ремнѣ. Когда онъ пустился бѣжать на лыжахъ, то лопатка перестала волочиться по земль и приняла горизонтальное направленіе. По мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ свой бѣгъ, лопатка все выше и выше поднималась на воздухѣ и подконецъ витала надъ нимъ въ вертикальномъ положеніи—признакъ огромной быстроты, по остыцкой кинетикѣ, недостижимой для простаго смертнаго.

Богатырь, особенно отличившійся въ какомъ нибудь изъ этихъ воинскихъ упражненій, нерѣдко получалъ особое прозвище; оно, такимъ образомъ, увѣко-вѣчивало его подвиги, напр. одинъ Эмдерскій князь прозвывался такъ: Хү сасылтэм тав-данчем јѣтмай єурт, что значитъ по русски: «богатырь, разломавший долго сущеное конское бедро». Онъ отличился при слѣдующемъ случаѣ. Однажды богатыри на сходѣ заспорили между собою, можетъ ли кто изъ нихъ переломить на колѣняхъ долго сущеное конское бедро и, когда никто не былъ въ состояніи этого исполнить, нашъ богатырь «со свирѣпыми руками и ногами», схватилъ конское бедро въ свои сильныя ладони и быстро раздробилъ его на семь кусковъ.

Пріобрѣтенная князьями физическая сила и крѣпость организма передавалась по наслѣдству ихъ сыновьямъ и поэтому укрѣпляла въ простыхъ людяхъ мнѣніе объ ихъ превосходствѣ надъ ними и объ ихъ божескомъ происхожденіи. Отсюда происходило благоговѣніе Остяковъ передъ своими князьями. Улучшенію ихъ расы вѣроятно отчасти способствовали и ихъ обыкновенно экзогенетические браки. Аналогичные случаи физического превосходства властителей надъ подданными встречаются весьма часто на востокѣ, напримѣръ въ Индіи.

Въ виду выше приведенного, въ описываемый период времени слово «князь» было у Остяковъ тождественнымъ со словомъ «богатырь», и поэтому выражение *үрт*¹⁾ употребляется въ былинахъ въ томъ и другомъ смыслѣ.

Увѣренные въ своей силѣ, они смѣло шли на встречу врагамъ и любили опасности, преодолѣніе которыхъ доставляло имъ новую славу. Иные изъ наиболѣе славныхъ богатырей совершали отдаленные походы въ чужія земли, напр. на сѣверъ—въ страну Самоѣдовъ (*ја ран пѣлек*), на югъ—въ теплые страны, куда осенью улетаютъ гуси и утки (*м о р д а - м а г*). Другіе даже спускались въ подземное царство (*пѣтлім ємдер*), чтобы вести войну съ чертями (*кул'*), такъ напр. про могучаго богатыря Сонгхуша говорится, что во время своихъ походовъ онъ посѣтилъ всѣ 7 концевъ земли и что едва осталась площадь земли или воды имъ неизвѣданная. Онъ также спускался въ подземное царство и нанесъ «двулицымъ рукастымъ чертамъ», обитателямъ его, большой уронъ.

Несмотря на всю свою силу и свое мужество, богатыри въ случаѣ бѣды или неудачи часто падали духомъ и начинали плакать, чтѣ однако вовсе не считалось предосудительнымъ или несовмѣстимымъ съ ихъ достоинствомъ. Самый плачъ ихъ былъ впрочемъ богатырскій: «онъ проливалъ изъ глазъ 6—7 пядей (*сурт*) слезъ», говорится въ знакомомъ намъ героическомъ сказаніи про богатыря Нангхуша. Иногда величину ихъ плача, какъ и многое другое, авторы былинъ сравнивали съ городскими воротами.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что символомъ радости у прежнихъ богатырей былъ «рогъ» (*бѣт*). Выраженіе «у меня выростетъ золотой рогъ» означало: «я буду счастливъ» и наоборотъ, выраженіе: «у меня сломался рогъ» значило: «у меня приключилось большое несчастіе!» Напримѣръ вотъ что кричить младшій сынъ Тяпарскаго князя своему врагу, сыну князя Нангхуша, когда тотъ не могъ пробить своими стрѣлами его колчугу: «если бы я почувствовалъ твою стрѣлу, подобную волоску или былинѣ, когда она меня поразила въ легкое груди, то на моей головѣ выросъ бы золотой рогъ!»²⁾. Другой героический разсказъ передаетъ, что однажды Сатыжинскій князекъ Китворъ-теръ плылъ по Иртышу съ семью лодками. Когда онъ проѣзжалъ мимо нынѣшнихъ Романовскихъ юртъ, мѣстный князекъ сталъ его вызывать на бой, но Китворъ крикнулъ ему: «Я себѣль у тебя правый рогъ», намекая на то, что его люди въ недав-

¹⁾ Кастренъ приводить еще другое слово, означающее богатыря: *бадап*, которому соответствуетъ вогульское *блып* и татарск. *алѣп*.

²⁾ «....Вѣрее н'отен, пѣм н'отен, мегет торынѣмѣвет пѣтмен, уїмем ат, ўгема сорній бѣт едѣт!».

ней схваткѣ убили его сына. Тотъ понялъ намекъ и, застонавъ, схватилъ себя за голову. О войнѣ онъ болѣе не помышлялъ.

Остяцкіе князья не были чужды и другихъ рыцарскихъ доблестей, такъ они свято соблюдали данное ими слово или клятву (н'ут, шар), даже по отношенію къ такимъ клятвопреступникамъ, какими были въ ихъ глазахъ Самоѣды. Это хорошо видно изъ слѣдующей фразы, произнесенной однимъ остяцкимъ богатыремъ, когда ему соѣтывали не перемониться съ Самоѣдами и убить ихъ, не смотря на клятву: «клятву мою я не нарушу; если Самоѣдъ желаетъ ее нарушить, то пусть нарушаетъ!».

Изъ другихъ ихъ качествъ бросается въ глаза извѣстное благородство въ ихъ привычкахъ, напр., сами они не исполняли никакихъ черныхъ работъ; на пирахъ они «брали концами пальцевъ одинъ-два кусочка (пищи) и уходили», предоставляя ее своимъ болѣе голоднымъ подданнымъ, которые пировали цѣлый мѣсяцъ. И, наконецъ, они по пустому словъ не тратили, а гдѣ можно, отдавали приказанія движеніемъ руки или глазъ.

Жизнь человѣческая въ тѣ времена столь мало цѣнилась, что почти всякое недоразумѣніе, даже самаго легкаго свойства, обыкновенно кончалось кровопролитiemъ. Не говоря уже о томъ, что убивали мужей, богатыри, разердившись, не останавливались и передъ убийствомъ беззащитныхъ женъ и дѣтей, такъ, напр., въ одной былинѣ описывается, что остяцкіе богатыри, совершая походъ на сѣверъ, останавливались кое-гдѣ на берегу для отдыха и, если въ этомъ мѣстѣ имъ не оказывали должнаго гостепріимства и не боготворили ихъ, они оставляли послѣ себя «площади, усѣянныя изрубленными тѣлами мужей и женъ». Побѣдивъ врага, они старались его искоренить, но стоило послѣднему изѣять покорность, пасть передъ побѣдителемъ на колѣни и просить о пощадѣ, какъ у богатыря-побѣдителя великодушіе брало верхъ надъ жестокостью, и онъ, полюбовавшись нѣкоторое время униженіемъ врага, поднималъ, обнималъ и оставлялъ его невредимымъ. На большемъ пиру, который послѣдній устраивалъ, принимали участіе воины обѣихъ сторонъ, празднуя такимъ образомъ миръ.

Къ представителямъ своего рода остяцкіе князья выказывали нѣжную привязанность. Мы уже видѣли, что они не оспаривали другъ у друга власти. Если кого-нибудь изъ нихъ убивали на войнѣ, то остальные о немъ сильно горевали и плакали и давали клятву отомстить за его кровь, даже если это имъ самимъ будетъ стоить жизни. Мстить за смерть отца или брата считалось священнымъ долгомъ каждого богатыря. Если почти весь родъ какого-нибудь остяцкаго князя истребленъ на войнѣ, то малыя дѣти и внуки его, когда подростали и дѣлались мужами, узнавъ отъ стариковъ объ обидахъ, нанесенныхъ ихъ отцу или дѣду, собирали войско и шли войной на враговъ. Такое

распространеніе кровавой мести вѣроятно слѣдуетъ приписать вѣрованію, что душа убитаго не имѣть покоя и мучается до тѣхъ поръ, пока не будетъ искуплена кровью врага, на что есть нѣкоторые намеки въ былинахъ.

Еще одна черта характеризуетъ осяцкаго богатыря—его умственное превосходство надъ прочими людьми. Согласно народному преданію, подтверждаемому самой формой героического эпоса¹⁾, богатырямъ мы обязаны дошедшиими до насъ былинами и героическими сказаніями, превосходящими по своимъ идеямъ и красотѣ стиля всѣ прочіе виды осяцкой поэзіи. Они не только были хорошими бойцами, но и трубадурами въ то же время. Тѣ изъ нихъ, которымъ суждено было вернуться невредимыми изъ похода, слагали пѣсни про подвиги свои и своихъ убитыхъ братьевъ и родственниковъ и этимъ самымъувѣковѣчивали ихъ для потомства. Оно еще теперь съ извѣстнаго рода благовѣніемъ прославляетъ ихъ.

Богатыри считались людьми вѣщими: имъ были доступны многія тайны природы, скрытыя отъ простыхъ смертныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ могли чуять приближеніе врага на далекое разстояніе. Они были способны принимать видъ различныхъ животныхъ, птицъ, гадовъ и рыбъ, если это имъ было необходимо, чтобы догнать врага или уйти отъ него, иначе говоря, они были оборотнями.

Также и неодушевленные предметы они были въ состояніи превращать въ животныхъ, напр., стоило имъ бросить свою шапку вверхъ, какъ она принимала видъ кукушки²⁾, которая и могла исполнять для нихъ разныя порученія. Наконецъ, по сказкамъ, они обладали еще способностью воскрешать мертвыхъ и исцѣлять раненныхъ при помощи имѣвшихся у нихъ „живой воды“ (хатта јінк) и „живаго прута“ (хатта н’ерем), добытыхъ изъ подземнаго царства.

Не смотря на свою жестокость, осяцкіе князья не были лишены и общечеловѣческихъ чувствъ. Такъ въ одномъ, упомянутомъ выше, героическомъ сказаніи разсказывается, что двое богатырей во время своего похода на лодкахъ натыкаются на плотину изъ мамонтовъ (вес') и другихъ морскихъ чудовищъ-юровъ (jur), возведенную поперекъ рѣки Оби. Сами они, какъ богатыри, разогнавъ лодки, проѣзжаютъ сквозь эту преграду, простые же люди опрокидываются вмѣстѣ съ лодками и морскія чудовища ихъ поѣдаютъ. Видя это, богатырямъ стало жаль безпомощныхъ простыхъ людей: «брать, говорить младшій изъ нихъ старшему, разгородимъ эту плотину изъ мамонтовъ и юровъ, иначе какой мужъ и какая женщина будутъ въ состояніи проплыть по катящей гальку каменистой Оби?» И, войдя въ воду, они изрубили морскихъ чудовищъ мечами и уничтожили плотину.

¹⁾ Главное дѣйствующее лицо очень часто воспѣваетъ свои подвиги въ первомъ лицѣ.

²⁾ Называется такая кукушка ў х-тѣ і-ко ва, т. е. «кукушка съ маковки головы».

ГЛАВА VI.

Простые люди и рабы.

О простыхъ людяхъ мало упоминается въ былинахъ. — Ихъ вооруженіе и военные качества.—«Рабы» героического эпоса.—«Холопы» историковъ.

Простые люди (мы гдат јах) составляли главную массу населенія каждого маленькаго княжества, но упоминается о нихъ почти всюду мало; во многихъ былинахъ о нихъ даже и рѣчи не было. Происходить это отъ того, что подвиги ихъ представляли сравнительно съ богатырскими слишкомъ мало интереса. Впрочемъ эта черта осязкаго эпоса характерна и для былинъ другихъ, даже болѣе культурныхъ народовъ, напр. въ Иліадѣ действующими лицами являются исключительно герои, простые же смертные обходятся почти полнымъ молчаниемъ.

Народъ жилъ въ селеніяхъ около городковъ и долженъ былъ поставлять военныхъ людей. Но, если богатыри, съ малолѣтства пріученные къ воинскимъ упражненіямъ и опасностямъ, и охотно шли на войну, гдѣ они могли пріобрѣсть богатство и славу, простой народъ, не обеспеченный дома, подчинялся этой необходимости, какъ неизбѣжному злу, и поэтому при вербовкѣ солдатъ и въ землянкахъ прежнихъ Остяковъ происходили тѣ же сцены, какія еще недавно имѣли мѣсто въ любой деревнѣ при наборѣ рекрутъ. Авторъ одного героического сказанія описываетъ слѣдующій эпизодъ при вербовкѣ: «Гдѣ отецъ былъ плохъ, былъ зарубленъ¹⁾ его сынъ, гдѣ сынъ былъ плохъ, зарубался отецъ. Гдѣ отецъ былъ зарубленъ, сынъ плачетъ, гдѣ сынъ былъ зарубленъ, отецъ плачетъ! И действительно они гибли въ большомъ числѣ во время всякаго похода, о чёмъ, впрочемъ, богатыри не очень заботились, такъ какъ жизнь ихъ не цѣнилась высоко.

Вооруженіе ихъ было хуже, чѣмъ у богатырей, и, вѣроятно, состояло изъ одного лука. Можетъ быть, они имѣли еще еловыя и лиственичныя дубинки, о которыхъ нерѣдко упоминается въ былинахъ. Кольчугъ же они не имѣли и мечи по всему вѣроятію тоже составляли преимущественно принадлежность лицъ привилегированного сословія князей-воиновъ. Въ виду того они могли вступать въ состязанія только другъ съ другомъ и валились, какъ снопы, при столкновеніи съ богатырями. И обратно, быть убитымъ простымъ воиномъ считалось весьма оскорбительнымъ для богатыря. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ богатырь, уставшій въ бою, взываетъ (къ Богу): «неужели Золотой свѣтъ, мой Отецъ,

¹⁾ Какъ мы видѣли выше, каждого завербованного воина зарубали на деревяшкѣ.

опредѣлилъ, чтобы простые воины содрали съ меня мою радужную головную кожу?»

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ совершились браки у простыхъ людей и откуда они брали женъ. Судя по сохранившемуся отчасти у Остяковъ обычью избѣгать взаимные браки между членами одного рода, можно предположить, что то же было и прежде; относительно князей же это достовѣрно извѣстно. Нѣкоторые, можетъ быть, добывали себѣ невѣстъ во время походовъ ихъ князей, хотя обѣ этомъ ничего не говорять остыцкіе барды, не удостаивающіе этихъ низкихъ людей своимъ вниманіемъ. Съ лицами княжескихъ фамилій они въ бракъ не вступали, какъ мы это покажемъ ниже.

Рабы и рабыни (тѣу, орт; тѣу-ней, орт-ней) составляли третье и, повидимому, самое малочисленное сословіе остыцкаго населенія. О нихъ мы еще меньше знаемъ, чѣмъ о простомъ народѣ. Происхожденіе ихъ намъ неизвѣстно, но вѣроятно ихъ добывали на войнѣ.

Они производили всѣ домашнія работы въ княжескихъ домахъ; прислуживали князьямъ, готовили кушанье, заготовляли для дома дрова, ловили рыбу, смотрѣли за оленями, исполняли роль глашатаевъ при народныхъ собраніяхъ и т. д.

Число ихъ у отдѣльныхъ князей было не велико и потому на каждомъ изъ нихъ лежало нѣсколько обязанностей. Имъ тоже были присвоены прозвища, которые часто имѣли отношеніе къ ихъ дѣятельности, напримѣръ одинъ изъ слугъ князька города Тѣпар-вош назывался: Анет 旛тын, соннет 旛тын аттада хуї, что значитъ: «мужъ, несущій край блода и край туяса», такъ какъ его главнымъ занятіемъ было прислуживать за столомъ. Довольно употребительный эпитетъ рабыни есть: Хѣт вѣр курдем (или вѣрантем) орт-ней-їма т. е. «рабыня, исполняющая домашнія работы».

Обращеніе съ рабами было, судя по всему, весьма гуманное: они были какъ бы младшими членами одной и той же семьи. Ни изъ одного сказанія, ни изъ одной былины не видно, чтобы ихъ господа обижали или притѣсняли.

Рабы и рабыни составляли частную собственность князей, которые могли съ ними распоряжаться, какъ хотѣли, такъ напр. ихъ иногда давали въ счетъ калыма отцу невѣсты.

Историки тоже упоминаютъ о «холопахъ» и «холопкахъ» остыцкихъ князей. Эти холопы были освобождены отъ платежа ясака въ пользу государственной казны и работали исключительно на своихъ господѣ—князѣй. Въ иныхъ мѣстахъ это крѣпостничество усилилось при Русскихъ. Такъ, остыцкій князекъ Игичей Алачевъ вмѣстѣ съ Русскими неоднократно дѣлалъ набѣги на землю Кондинскихъ Богульцевъ, грабилъ ее и уводилъ оттуда женъ, дѣтей и мужей въ холопы. Кромѣ того иногда и Московскіе государи дарили преданныхъ имъ князей холопами изъ ихъ подданныхъ, которые въ качествѣ крѣпостныхъ съ этихъ

поръ переставали платить казенный ясакъ и становились подсудны исключительно имъ, такъ напр., царь Феодоръ Ивановичъ пожаловалъ вышеупомянутаго князя Игичея Алачева и Оншу Юрьева, его двоюроднаго брата, двумя волостями Васпакульскою и Калшакутскою въ 11 платежныхъ душъ мужескаго пола, причемъ послѣднія съ этихъ поръ стали ихъ крѣпостными.

ГЛАВА VII.

Положеніе женщинъ.

Затворничество дѣвицъ.—Занятіе дѣвицъ: рукодѣлье.—Красота ихъ.—Одежда.—Женихи—князья изъ др. городовъ.—Князья избѣгаютъ неравные браки.—Калмыкъ.—Невѣста устраиваетъ недоразумѣнія между отцемъ и женихомъ.—Сватовство.—Переговоры и обманы со стороны отца невѣсты.—Остяцкая княжна въ видѣ филина отыскиваетъ себѣ жениховъ.—Внѣшнее сходство богатыря съ рыцаремъ и отличія ихъ.—Свадебные обряды.—Танцы.—Подарки отца невѣсты.—Пріѣздъ молодыхъ въ домъ мужа.—Сравненіе остяцкой княжны съ древне-финской дѣвицей.

Положеніе женщинъ у прежнихъ Остяковъ было сходно съ тѣмъ, которое мы встрѣчаемъ у древнихъ Славянъ. Когда дѣвица подростала и достигала брачнаго возраста, ее удаляли отъ взоровъ взрослыхъ мужчинъ. Съ этихъ поръ она до самаго замужества, а можетъ быть и до болѣе позднаго периода, вела затворническую жизнь. Но, такъ какъ въ тѣ времена у Остяковъ даже княжескія хоромы вѣроятно состояли изъ одной комнаты, то въ ихъ распоряженіе не могли дать терема или особой свѣтлицы, какъ это было въ Москвѣ, а имъ просто отводили одинъ изъ угловъ общаго жилища, отдѣленный посредствомъ занавѣса или полога (саі), сдѣланнаго, смотря по достатку хозяина, изъ болѣе или менѣе дорогой матеріи. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такой пологъ изъ шелка и украшенный изображеніемъ солнца и мѣсяца, въ другомъ онъ весь увѣшанъ бубенчиками (кобулій саі, понхлій саі): они пріятно звенѣли при всякомъ его движеніи, наконецъ историкъ Миллеръ передаетъ намъ, что у одного vogульскаго князька съ Конды была «занавѣса дорожинена, опущенная камчишкою двоелишнею»¹⁾

Когда дѣвицамъ случалось показываться на улицѣ, онѣ по всей вѣроятности покрывали свое лицо платкомъ, чтобы скрыть его отъ непосвященныхъ взоровъ, чтѣ и понынѣ отчасти водится среди инородцевъ Березовскаго округа. У простаго народа вѣроятно этотъ обычай менѣе соблюдался: оно было затруднительнѣе по ихъ относительной бѣдности. Это обстоятельство послужило причиной слѣдующаго эпизода, описаннаго въ одной былинѣ: Богатырь,

¹⁾) «Ист. Сибири» Г. Миллера, стр. 201.

собравшійся на войну, при выѣздѣ изъ своего города, встрѣчаетъ толпу дѣвицъ, очевидно изъ простаго народа, долго ими любуется и впадаетъ въ размышеніе о томъ, какъ въ сущности безразсудно вести своихъ воиновъ на погибельную войну или, какъ онъ figurно выражается, «въ пасть мамонтовъ», чтобы добыть себѣ невѣсту, когда передъ нимъ цѣлая толпа красивыхъ дѣвицъ. Впрочемъ его размышенія не были продолжительны. Брать его пристыдилъ въ малодушіи и онъ, покрывъ лицо свое платкомъ,—признакъ стыда,—погналъ оленей впередъ.

Освобожденныя въ слѣдствіе своего затворническаго образа жизни отъ многихъ домашнихъ работъ, дѣвицы однако же проводили время въ праздности. Однимъ изъ главныхъ ихъ занятій было вышиваніе и шитье,—искусство, въ которомъ они достигали значительной степени совершенства. Такъ о рукавицахъ, спитыхъ одной осяцкой княжной, говорится: «гдѣ шовъ быль шить, незамѣтно; какъ они были сдѣланы, не видно, или ужъ они въ такомъ видѣ и произошли». Богатырь осяцкій гордится, если у него есть «рукодѣльница дочь, держащая иглу въ концахъ пальцевъ». Этимъ же искусствомъ осяцкая княжна прельщаетъ и молодыхъ князей. Однимъ словомъ и у этого дикаго народа трудолюбіе играло не послѣднюю роль въ достоинствахъ невѣсты, хотя конечно первое мѣсто занимала красота.

«Златоглазая, бровастая дочь мужа полуденной страны» (М о р д а-м ы г х о і¹) сорні-сѣм хут'мет-наі) есть весьма распространенный эпитетъ осяцкой княжны, причемъ послѣднія слова этого выраженія здѣсь употреблены въ смыслѣ: «подобная красавицамъ полуденныхъ странъ». Значеніе другого эпитета красавицъ: ў д е д - ў х с і в е т ы м наі мнѣ не вполнѣ понятно. Красоту дѣвицъ сравниваютъ также съ восходящимъ солнцемъ и состоящимъ на небѣ мѣсяцемъ.

Не менѣе цѣнилась и молодость невѣсты, поэтому самой красивой изъ нѣсколькихъ сестеръ всегда считалась младшая.

Выдѣленію красоты осяцкихъ княженъ безъ сомнѣнія не мало способствовали и красивыя дорогія одежды, которыя они носили²). Изъ нихъ упо-

¹) М о р д а-м ы г южная страна, куда на зиму улетаютъ утки и гуси. Въ сѣв. Сибири онъ известны подъ названіемъ: «теплая воды».

²) Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ медвѣжьей пѣсни, гдѣ описывается дорогая женская одежда прежнихъ Остяковъ, хотя прибавимъ, что эта пѣснь не носить столь древняго характера, какъ былины:

„Пах лейеја хатаја ман те-чуд'ем.
„Пах лейа-ја, хатаї, хатаї ўсен!
„Нуй анкенна јокеајем,
„Тіт'ем—вѣхта салына јокеајем.
„Нуй анкенна јокеајем,
„Танкем пүну сыкын нујат јокеајем.
„Нуй анкенна јокеајем,
„Танкем кунг'а кевый н'ірат јокеајем.

минаются рубашки (јирнас) съ пестрой вышивкой,¹⁾ вѣроятно приготовленныя изъ крапивной пряжи; дорогія платья и сапоги, украшенные металлическими подѣлками и бисеромъ (кеу)²⁾ и суконные кафтаны (нуй). Употребляли онъ также на свои наряды и цѣнныій шелкъ (јермак) и камку (хамха). Особенно роскошно наряжались невѣсты. Болѣе зажиточныя изъ нихъ одѣвали въ день свадьбы и отѣзда изъ родительского дома семь рубашекъ и семь суконныхъ кафтановъ, одни поверхъ другихъ.

Относительно душевныхъ качествъ осяцкой женщины мы знаемъ, что она была любящей дочерью, покорной женой и нѣжной матерью, что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Какъ и у весьма многихъ другихъ некультурныхъ народовъ, для заключенія брака не требовалось, ни согласія дѣвицы, ни ея матери и, разъ женихъ (вейхой) былъ на лицо, все дѣло решалъ съ нимъ одинъ ея отецъ, а за отсутствиемъ его—старшій братъ ея. Въ виду того, что въ каждомъ городкѣ княжилъ всего одинъ родъ, между сородичами не допускалось взаимныхъ браковъ.

Въ качествѣ жениховъ осяцкихъ боярышень, если такъ можно выражаться, являлись сыновья другихъ осяцкихъ и самоѣдскихъ богатырей, пріѣзжавшіе свататься за той или другой красавицей, слухъ о которой широко разносился. Такъ, о славномъ богатыре Сонгхушѣ въ былинѣ говорится, что онъ въ молодости «семь концевъ земли посѣтилъ, чтобы сватать косатыхъ дѣвицъ за хороший калымъ».

,Нуй анкенна јокеајем,

,Тегет-вѣје ханг'еп јирнас јокеајем.

,Нуй анкенна јокеајем,

,Орын-вѣје ханг'еп тагат јокеајем.

,Іемсаі пѣлка кѣдем вег хоттат татна,

,Пынаі пѣлка ўнтын кѣт ман тот ведем“!

,Къ бѣдному мальчику, мертвому (отъ страха), я подошелъ.

,Мальчикъ бѣдняжка! ты покойникъ!

,Твоя мать въ честь меня плясала,

,Со звенящимъ серебромъ она для меня плясала.

,Твоя мать въ честь меня плясала,

,Въ суконномъ кафтанѣ, пущистомъ, какъ бѣличій мѣхъ, она для меня плясала.

,Твоя мать въ честь меня плясала,

,Въ сапогахъ, украшенныхъ бисеромъ, подобнымъ ноготкамъ бѣлки, она для меня плясала.

,Твоя мать въ честь меня плясала,

,Въ рубашкѣ, украшенной рисунками птицъ, она для меня плясала.

,Твоя мать для меня плясала,

,Въ платкѣ, украшенномъ лѣсными звѣрьми, она для меня плясала.

,Если сила правой руки у меня кончится,

,Я своей лѣвой рукой тогда за нее (т. е. за люльку) возьмусь“.

¹⁾ тегет—вѣје ханг'еп јирнас—«рубашка съ рисункомъ птицъ».

²⁾ кеу собственно значить „камень“.

Вступить же въ бракъ съ дѣвицей изъ простаго званія, не говоря уже о рабынѣ, не рѣшался ни одинъ остыцкій князекъ, до того это считалось предосудительнымъ и въ то же время унизительнымъ для его княжескаго достоинства. Эту разницу понимали и простые люди и не претендовали на подобные браки. Такъ, дѣвица, которую старый Нангхушъ обманымъ образомъ передалъ жениху вмѣсто своей дочери, уклоняясь отъ его ласокъ, говоритъ: «я женщина, носящая простое платье, я женщина, носящая простую обувь» и прибавляеть, что его невѣсту, княжну, отдали замужъ на самоѣдскую сторону. Этихъ словъ было достаточно, чтобы моментально расхолодить жениха. Онъ идетъ къ своему брату и, жалуясь на происшедшее, прибавляеть: «Какихъ рукодѣльницъ-рабынъ у насъ нѣть въ нашемъ Тяпарскомъ городѣ мужа Гаветта-кѣтпе-хуї. Жиль ли я, мужъ, обладающій силою въ славныхъ суставахъ рукъ, съ рукодѣльницей-рабыней»?

Аналогично этому, весьма вероятно, что и знатные девицы могли сдаваться женами только лицам княжеского званія.

За красивыхъ дѣвицъ отцы ихъ требовали больше выкупы (на югѣ та; на сѣв. калым), и хороший женихъ обыкновенно немедленно выплачивалъ просимый калымъ. Онъ состоялъ въ холопахъ, оленяхъ, дорогихъ шелковыхъ материахъ, въ оружіи, въ цѣнныхъ металлахъ, котлахъ и тому под. Размѣръ калыма зависѣлъ главнымъ образомъ отъ богатства и знатности отца невѣсты: чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ требовательнѣе онъ являлся по отношенію къ своему будущему зятю. Напр. за одну дѣвицу отецъ ея получилъ металломъ и товаромъ цѣну 100 рабовъ, 100 кольчугъ, 100 мечей, 100 топоровъ, 100 ножей и 100 котловъ, что по тогдашнему времени представляло огромную сумму.

Другой отецъ говорить своему будущему зятю: «нанесите когтистой бѣлки, красной и черной рухляди, чтобы съ головой покрыть сидящаго человѣка, тогда я отдамъ мою дочь безъ всякаго выкупа». Послѣднія слова прибавлены очевидно въ видѣ шутки.

Но далеко не всегда дѣло кончалось уплатой калыма. Часто отецъ, по мѣрѣ уступчивости жениха, становился все требовательнѣе, и нерѣдко свадебные переговоры оканчивались кровопролитіемъ, такъ какъ всякий богатырь, отправляясь свататься, для болѣшой удачи своего предпріятія бралъ съ собой войско. Въ былинѣ, изъ которой мы только-что привели размѣръ калыма, такимъ образомъ описывается подобное столкновеніе между отцемъ невѣсты и его зятемъ: „когда отецъ ея вышелъ на улицу, чтобы ее (невѣсту) проводить, онъ потребовалъ отъ зятя золотую, блестящую кольчугу. «Я присутствовалъ на 177 свадьбахъ, и нигдѣ отъ меня не требовали золотой, блестящей кольчуги, сказалъ тотъ. Будемъ сражаться топоромъ и мечемъ!»

Они повернули свои большія лодки съ развоеной кормой и стали сражаться».

Нерѣдко также случалось, что отецъ, получивъ калымъ, передавалъ жениху не дочь свою, а какую-нибудь дѣвицу изъ простаго званія и часто некрасивую и старую. Женихъ скоро открывалъ обманъ и съ угрозой требовалъ возстановленія своихъ правъ, причемъ въ случаѣ отказа или вторичнаго обмана съ обнаженнымъ мечемъ въ рукаѣ отправлялся отыскивать свою невѣсту (*мен'-и ей*) и не щадилъ никого изъ попадавшихся ему на пути. Но такъ какъ отецъ невѣсты прибѣгалъ къ подобнымъ обманамъ обыкновенно лишь тогда, когда надѣялся на свою силу, то сватовство часто оканчивалось битвой.

Впрочемъ, если дѣвица любила жениха, то она старалась не доводить ихъ спора до кровопролитія, а если это все-таки случалось, то своимъ присутствиемъ и своими нѣжными рѣчами старалась смягчить гнѣвъ побѣдителя и тѣмъ спасти жизнь отцу или жениху. Вотъ какимъ образомъ знакомая намъ младшая дочь богатыря Нангхуша успокаиваетъ гнѣвъ свата¹⁾ своего жениха, побѣдившаго ея отца и брата и готовившагося ихъ умертвить. «Она обнимаетъ его руки и ноги и говоритъ: «Сынъ Гаветта-кѣтпе-хуй и Тапарской женщины и деверь мой! Хотя я тебя и не кормила молокомъ изъ моей груди (и тебя вскорили при помощи рожка)²⁾, скажу-ли я одно слово или два, выслушай меня, вѣдь я происхожу изъ рода князей и богатырей. Когда ты отправишься въ Тапарскій городъ мужа Гаветта-кѣтпе-хуй, и у тебя одежда, украшенная металлическими бляхами и бисеромъ, износится, разъ ты сдерешь съ отца и брата моего ихъ радужно-отливающуюся головную кожу и сдѣлаешь меня круглой сиротой, то кто одѣнетъ твоихъ 300 воиновъ въ дорогія одежды и дорогую обувь и мнѣ, чтобы нарядиться, какъ подобаетъ невѣстѣ, кто доставить мнѣ платья?» «Эти слова ея имѣли такой успѣхъ, что сватъ поднялъ съ земли стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ богатырей, обнялъ ихъ, и миръ былъ возстановленъ.

Сватовствомъ руководилъ самъ женихъ и его ближайшіе родственники мужскаго пола. Они его всегда сопровождали въ подобныхъ предпріятіяхъ. Называются они въ былинахъ обыкновенно татарскимъ словомъ ханымъ, чтѣ въ данномъ случаѣ означаетъ «сватъ». Они выставляли отъ себя 2—3 людей, пословъ, при помощи которыхъ вели переговоры съ отцемъ невѣсты. Послѣдніе были известны подъ именемъ ворт-жах (*sing. ворт-хуй*), и часто были вооружены посохами (*сеу, сү*). Обыкновенно поступали такимъ образомъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ ставили они изъ своихъ людей, другихъ выбирали изъ

¹⁾ Онъ же его братъ.

²⁾ Эта фраза нѣсколько неясна.

подданныхъ отца невѣсты. Переговоры были необходимы даже въ томъ случаѣ, если отецъ невѣсты былъ согласенъ на бракъ, такъ какъ достоинство его требовало, чтобы онъ не выказывалъ особой готовности отдать свою дочь. По этой же причинѣ онъ иногда не принималъ первыхъ двухъ пословъ и высказывалъ свои условія только третьему.

Чтобы нагляднѣе показать, какимъ образомъ велись эти переговоры и къ какимъ изобрѣтеніямъ прибѣгалъ отецъ невѣсты, чтобы обмануть жениха, приведемъ отрывокъ изъ одного героического сказанія: «Когда стало свѣтать, они (т. е. два богатыря, пришедшие сватать невѣсту) позвали одного изъ здѣшнихъ людей и поставили одного изъ своихъ, чтобы передавать вѣсти. Они пришли къ старому Кровавому богатырю Нангхушу и сказали: «Относительно младшей дочери твоей, дѣвицы, какая у тебя вѣсть, какое слово, эту вѣсть, это слово ты намъ выскажи». Старикъ сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшую дочь старого богатыря Нангхуша, дѣвицу, съ землянымъ тѣломъ въ чистомъ сдѣяніи я уже давно похоронилъ. Въ страну столь отдаленную, что добраться туда не по силамъ даже звѣрю, кто отнесъ бы къ вамъ мою вѣсть, мое слово и вашу вѣсть, ваше слово, кто бы доставилъ ко мнѣ? Эту рѣчь, эти слова, отнесите имъ!» Они вернулись и тамъ сказали: «Младшей дочери Кроваваго богатыря Нангхуша обратившееся въ прахъ тѣло уже давно погребено въ чистыхъ одѣяніяхъ». Сыновья богатыря Іаветта-кѣтпехуі сказали: «Если ея землистое тѣло онъ похоронилъ въ чистыхъ одѣяніяхъ, то пусть намъ дадутъ 10 людей съ лопатами и 10 людей съ топорами, чтобы ее вырыть. Принесенное для нея золото и серебро, предназначенные для нея шелкъ и камку мы ей положимъ. Пусть тогда пропадутъ славные суставы ея тысячи костей (въ такомъ видѣ), какъ ихъ мать родила! Эту вѣсть отнесите Кровавому богатырю, старику Нангхушу!» Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, опустивъ голову, сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшая дочь богатыря Нангхуша, дѣвица, еще сосетъ материнскую грудь». Эта рѣчь была туда передана. Сыновья богатыря Іаветта-кѣтпехуі отвѣтили: «Въ нашемъ городѣ мужа Іаветта-кѣтпехуі мы имѣемъ много Ѣдоголовыхъ женщинъ, много бѣлоголовыхъ женщинъ, пусть она тамъ сосетъ молоко изъ груди, пусть она тамъ питается молокомъ изъ рожка. Рѣчь эта была передана Кровавому богатырю, старому Нангхушу. Онъ сказалъ: «У младшей дочери Нангхуша, дѣвицы, ростущіе суставы рукъ еще не выросли, ростущіе суставы ногъ еще не выросли!» Оба сына богатыря Іаветта-кѣтпехуі отвѣтили: «Ея ростущіе суставы рукъ, ея ростущіе суставы ногъ мы сами выростимъ».

Видя такую рѣшимость жениха, отецъ невѣсты какъ бы уступилъ и пригласилъ сватовъ придти, чтобы вести переговоры, а самъ приказалъ своимъ людямъ столпиться на дорогѣ и не пропускать ихъ. Сваты-богатыри, однако,

сь обнаженными мечами проложили себѣ путь сквозь толпу. Ихъ встрѣтилъ отецъ невѣсты, они обнялись, условились о цѣнѣ за невѣсту и устроили свадебный пиръ. Когда народъ ушелъ, женихъ приблизился къ пологу и, бросивъ старухѣ, стерегшѣ входъ въ помѣщеніе невѣсты, серебряныя и золотыя деньги, вошелъ туда. Невѣста остается нѣма къ его ласкамъ и когда онъ, разсерженный, грозитъ разрубить ее на двѣ части, она ему открываетъ, что она дѣвица изъ простаго званія и что княжна, ради которой онъ сюда прїѣхалъ, уже недѣлю, какъ отдана отцемъ одному самоѣдскому богатырю и притомъ безъ калыма. Женихъ негодуетъ. На разсвѣтѣ другого дня оба брата-богатыря собираются нагнать Самоѣдовъ, а отцу невѣсты грозятъ разорить на возвратномъ пути его городъ¹⁾.

Какъ же сама невѣста относилась къ своимъ женихамъ? Было-ли ей безразлично за кого выдти замужъ, разъ она не имѣла возможности видѣть ни одного богатыря? Этотъ довольно интересный вопросъ имѣеть въ былинкахъ и героическихъ сказаніяхъ Остяковъ вполнѣ опредѣленный и притомъ отрицательный отвѣтъ. Остяцкая невѣста среднихъ вѣковъ не могла согласиться, чтобы ея чувствами торговали, какъ товаромъ, какъ это бывало на самомъ дѣлѣ, и сама дѣлаетъ свой выборъ. Запертая дома въ одной комнатѣ съ родителями и отдаленная отъ постороннихъ глазъ пологомъ, она все же находила средство отыскать себѣ жениха и прельстить его своими талантами.

Принадлежа къ роду вѣщихъ князей, она тоже умѣеть превращаться на время въ разныхъ животныхъ. Любимый образъ, чаще всего ею прини-маемый, образъ филина. Глухой ночью, когда вся семья покоится въ глубокомъ снѣ, она въ видѣ филина покидаетъ свое убѣжище, взявъ съ собой образцы своего рукодѣлья, и летить въ городъ, гдѣ, по слухамъ, живеть тотъ или другой славный богатырь. Здѣсь она садится на вершину кожурой-стой лиственницы,—она обыкновенно растетъ среди города—и поджидаетъ богатыря. Тотъ выходилъ на улицу, и филинъ вступалъ съ нимъ въ разго-воръ. Въ одной былинѣ невѣста прямо открывается богатырю, показываетъ ему свое рукодѣлье и просить освободить ее отъ предстоящаго ей ненавистнаго брака. Вотъ ея слова: «Князь, носящій виушающу страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, (т. е. кольчугу) въ тотъ день, когда ты родился, я родилась, въ тотъ день, когда я родилась, ты родился. Небесный Отецъ и Небесная Мать предопредѣлили намъ быть вмѣстѣ.

¹⁾ Скажемъ къ слову, что къ подобнымъ обманамъ при сватовствѣ прибѣгали нерѣдко и у древнихъ народовъ. Вспомнимъ хотя бы разсказъ о сватовствѣ Іосифа за Рахилью. И еще недавно подобные дѣла производились на Кавказѣ, причемъ прибѣгать къ обманамъ, чтобы выдать дѣвушку за мужъ, не считалось дѣломъ предосудительнымъ.

Если ты имъешь намѣреніе меня взять, то не мѣшай, пока вскипить кипящій котель, не жди, пока будетъ готовъ долговременный котель¹⁾. Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, мой отецъ, желаетъ отдать меня безъ выкупа къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли». Богатырь проводить безсонную ночь, а на другой день отрядъ воиновъ съ князьями во главѣ направляется на ѿверъ къ городу старого Нангхуша. Съ происходившимъ тамъ сватовствомъ мы уже знакомы изъ предыдущаго.

Въ другой былинѣ филинъ-княжна говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Появленіе филина и разговоръ его съ молодымъ княземъ здѣсь весьма поэтичны, но къ сожалѣнію въ русскомъ переводѣ теряются многія изъ особенностей осяцкаго поэтическаго языка. Филинъ начинаетъ свою рѣчь такими словами: „«Выбранный изъ среды 80 мужей съ олеными ногами, съ опущенными косами, косатый Ягъ²⁾, до какихъ поръ ты будешь вставать (такъ рано)³⁾, какъ встаютъ одинокія вдовицы?». Онъ отвѣчаетъ: «Красавица дѣвица, которую я бы взялъ въ жены, еще не родилась». Но филинъ сказалъ: «Про красавицу по твоему выбору я своимъ долгимъ ухомъ хорошую вѣсть слышалъ». Я отвѣчалъ: «Гдѣ же ты слышалъ про красавицу по моему выбору?» Филинъ отвѣчалъ: «Текутъ богатырскія воды инейнаго Эмдера съ незамерзающими берегами⁴⁾. Въ усѣянной мелкой галькой, чистой Оби широкія воды онѣ пали. Потекли впередъ усѣянной галькой чистой Оби обширныя воды. Въ священные воды потока, раздвоенного на подобіе разбѣгающихся песцовъ, онѣ пали. Развилистаго потока священные воды впередъ потекли. Въ богатырскія воды красноводнаго (потока) онѣ пали. Красноводнаго потока богатырскія воды впередъ потекли. Въ священный соръ, куда опустился божественный туманъ, онѣ пали. На полуденномъ берегу священнаго сора, куда опустился божественный туманъ, на славной сторонѣ, стоитъ богатырскій городъ Кары-поспать-вашъ. Власть въ немъ дер-

¹⁾ Промежутокъ времени, необходимый для того, чтобы вскипѣль котель, считался у Остяковъ небольшой единицей времени.

²⁾ Хôrum - курпе нîтсôт ўрт кудїва піріjідем, сёвет патнem сёвой Яг.

³⁾ «Н'от перай јдгот хар хуна - ванта нуй кіттен?» Значеніе первой половины этой фразы не вполнѣ ясно, въ виду чего и выпущено. Оставлены безъ перевода и отдельные слова дальнѣйшаго изложенія, темныя по смыслу.

⁴⁾ Здѣсь филинъ описываетъ систему рѣкъ южной части Березовскаго и ѿверной части Тобольскаго округа, по которымъ надо пройтись изъ города Эмдера въ г. Карыпоспать. Путь начинается съ Эмдерской протоки, которая впадаетъ въ Обь, отсюда йдуть вверхъ до впаденія Иртыша. По Иртышу поднимаются до Конды и отсюда въ ея нижнее теченіе или такъ называемый «Кондинскій соръ», который весной и лѣтомъ представляетъ изъ себя огромное водное пространство, длиной въ 60 верстъ и шириной въ отдельныхъ мѣстахъ до 8 верстъ. На южномъ берегу этого сора, въ 7 верстахъ къ низу отъ Камовыхъ юртъ, видны слѣды прежняго городка Карыпоспата.

жить трехсотлетний, дряхлый богатырь-старикъ¹⁾). Онъ строгаетъ черень стрѣлы. Въ пѣсенномъ домѣ 7 сыновей здѣсь укачивали. Главные въ домѣ три старшихъ сына; имя имъ дано: «Въ воду идущіе и рыбу крючащіе богатыри». Среднему сыну имя было дано: «На пиры поздно приходящій и саблей раны наносящій богатырь». Послѣ семи богатырей въ берестяной зыбкѣ съ красивой спинкой кого пинали (укачивали)? Полуденныхъ странъ златоглазую, бровастую красавицу здѣсь пинали. Здѣсь я слышалъ своимъ долгимъ ухомъ про красавицу по твоему выбору. Если вы имѣете желаніе, то отправляйтесь. Снаряжайтесь на военную и на сватовскую ногу». Старый филинъ повернулся къ полудню, къ славной сторонѣ, взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли». И, какъ въ первомъ случаѣ, богатырь немедленно отправляется по указанному филиномъ пути добывать свою невѣсту.

Дѣлая самое дѣвицу виновницей походовъ князей, осязкая народная фантазія тѣмъ самымъ облагораживаетъ, какъ личность богатырей, такъ и дѣли ихъ походовъ. Они являются передъ нами уже не грубой силой, которая знаетъ только свои личные интересы и пользуется для достиженія своихъ цѣлей золотомъ и мечемъ, а въ видѣ защитниковъ красавицъ, освобождающихъ послѣднихъ отъ произвола отца и братьевъ и отъ ненавистныхъ жениховъ. Они, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ нѣкоторое сходство съ средне-вѣковыми рыцарями, которые совершили разные трудные подвиги, чтобы освободить своихъ возлюбленныхъ отъ опасностей. Это сходство тѣмъ нагляднѣе, что и осязкіе богатыри совершили во время своихъ походовъ много подвиговъ, которые имъ въ средніе вѣка могли бы доставить прозвище «рыцарей безъ страха и упрека».

Есть впрочемъ не мало и отличій въ характерѣ и взглядахъ рыцарей и осязкихъ богатырей, именно, что, несмотря на вѣнчное сходство, послѣдніе были значительно грубѣе: прия въ гнѣвъ, они не щадили ни женщинъ, ни дѣтей и, кромѣ того, имѣли смутное понятіе о возвышенной любви рыцарей, если они вообще какое-либо имѣли. Именно ни въ одной былинѣ не встрѣчается слово «любовь». Но и здѣсь почти во всѣхъ былинахъ бракъ по склонности увѣнчивалъ подвиги богатырей.

Если дѣвицу отдавали другому, пока успѣвалъ прийти ея избранникъ, она всѣми мѣрами старалась отсрочить свой отѣздъ изъ отцовскаго дома. Если это не удавалось, она употребляла всѣ усилия, чтобы дольше сохранить свою дѣственность и дать возможность выручить ее жениху. Это случилось, напримѣръ, съ дочерью старого богатыря Нангхуша, которую отецъ противъ воли отдалъ на самоѣдскую сторону. Всѣ ея старанія отстоять свою свободу

¹⁾ Имя его приведено выше.

остались тщетны и, отправляясь со своимъ женихомъ въ его сторону, она на гладкомъ пескѣ, намытомъ водой рѣчного разлива, написала: «Къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли меня увезли, ломая мнѣ руки, ломая мнѣ ноги. Если сыновья богатыря Йаветта-кѣтпе-хуі сюда придутъ, то пусть не мѣшкать, пока вскипить кипящій котель, пока поспѣть долговременный котель». Далѣе мы застаемъ ее въ пологѣ (удал) вмѣстѣ съ ея мужемъ Самоѣдомъ на полпути въ его городъ. Остяцкіе богатыри въ это время настигаютъ Самоѣдовъ, и ея нареченный подкрадывается къ ихъ общему пологу и прислушивается. Въ пологѣ между тѣмъ происходитъ борьба между Самоѣдомъ и его женой. Она устраняется отъ его ласокъ. Она говоритъ: «Какъ мать родила, мой дѣвственныи поясъ я не дамъ тебѣ развязать среди темно-древеснаго урмана. Когда мы пріѣдемъ въ священный городъ, жилище самоѣдскихъ мужей, тогда развязи мой дѣвственныи поясъ; многочисленныя сѣдоголовыя и бѣлоголовыя старухи поднесутъ мнѣ чашу съ пѣняющимся отверстіемъ и дадутъ мнѣ серебряныя и золотыя деньги».

Самоѣдъ не соглашается съ ея доводами и, они опять борются. Женихъ ея слѣдить за борьбой и въ удобный моментъ наноситъ ему ударъ саблей, отрубаетъ ему ноги по колѣна и освобождаетъ свою невѣсту.

Этотъ эпизодъ для нась въ томъ отношеніи интересенъ, что показываетъ, что у Остяковъ въ тѣ времена цѣломудренность была необходимымъ качествомъ невѣсты. Къ сожалѣнію, это не правило настоящаго времени.

Въ чёмъ состояли самые свадебные обряды, до нась не сохранилось. Извѣстно только, что невѣста не принимала участія въ общемъ пиршествѣ, а спѣла въ своеи углу за занавѣсомъ. Жениха же подчивали, какъ могли, и когда онъ, по окончаніи пира, входилъ въ помѣщеніе невѣсты, ему и туда трудолюбивая рабыня подавала блюдо съ славными яствами, такъ по крайней мѣрѣ описывается въ одномъ сказаніи. Какую роль играетъ мать при заключеніи брака, мы не знаемъ, но былъ обычай, чтобы женихъ, кроме платы за дѣвицу ея отцу, выкупаль ее еще отъ старухи, которая охраняла входъ за занавѣсъ. Женихъ давалъ ей денегъ, послѣ чего она отходила, и роль ея кончалась. Въ данной былинѣ этотъ эпизодъ описывается такимъ образомъ: «Отверстіе занавѣса охраняется сѣдоголовой, бѣлоголовой старухой. Онъ схватилъ отверстіе занавѣса и пошевелилъ его три раза. Старуха отстранилась (отъ отверстія занавѣса), онъ далъ старухѣ серебряныя и золотыя деньги и вошелъ за занавѣсъ».

Судя по имѣющимся у нась фактамъ, видно, что послѣ свадьбы женихъ съ невѣстой проводили некоторое время въ домѣ родителей ея, и потомъ уже они уѣзжали на саняхъ или на лодкѣ въ городъ жениха. При этомъ конечно молодую провожалъ ея отецъ. Выраженіе «выдать замужъ»

передается на осяцкомъ языке черезъ слово бмдем (fut. бмыттам), что собственно значить «посадить»¹⁾, можетъ быть отъ того, что отецъ, передавая ее жениху, усаживалъ ее въ сани или лодку.

У нынѣшихъ же Остяковъ южнаго племени существуетъ оригиналный обычай; — послѣ свадьбы невѣста остается 2 — 3 недѣли въ домѣ отца, а женихъ проживаетъ дома, причемъ продолжаетъ свои обычныя занятія. Въ объясненіе этого страннаго обычая Остяки замѣ чаютъ, что невѣста пользуется этимъ временемъ, дабы приготовить себѣ приданое.

Чѣмъ больше за дѣвицу давали калыма, тѣмъ болѣе почета ей было; это правило остается справедливымъ и по настоящее время. Съ другой стороны, женихъ старался безъ торга выплатить требуемую сумму, чтоб считалось въ свою очередь долгомъ чести, но, конечно, если мѣра не превзойдена и если онъ не видѣлъ въ чрезмѣрной цѣнѣ средства отдалиться отъ него. Иногда, впрочемъ, случалось, что осяцкихъ княженъ отдавали и безъ калыма, напр., если отецъ ея почему-либо нуждался въ женихѣ, боялся ли его силы, или искалъ въ немъ союзника. Можетъ быть и въ томъ случаѣ, если дѣвица себя скомпрометировала и не могла разсчитывать на выгодную партію, какъ это бываетъ у Остяковъ въ настоящее время. Но, какъ-бы то не было, сама дѣвица обыкновенно была этимъ не довольна. Въ словахъ вышеупомянутой осяцкой княжны, дочери Нангхуша: «мой отецъ хочетъ меня отдать безъ выкупа къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли» мы не только видимъ жалобу ея на своеольное распоряженіе ея чувствами, но и обиду, что ее отдаютъ, какъ недостойную невѣstu, безо всякаго выкупа. Дѣвица, за которую не брали цѣны, называется въ осяцкой поэзіи; тантаней, пунтчаней²⁾.

Въ качествѣ обратнаго дара отецъ невѣсты тоже кажется дѣлалъ моло-дымъ подарки при ихъ отѣздѣ, не говоря уже о томъ, что если сватовство кончалось войной, въ которой бралъ верхъ женихъ, онъ требовалъ отъ него кромѣ дочери еще дары въ видѣ возмездія. Иногда, для большей убѣдительности, онъ поручалъ это дѣло своей невѣстѣ т. е. его дочери, которая умѣла его разнѣжить и склонить къ уступкамъ. Вотъ какую комедію разыграла известная намъ княжна, младшая дочь старого Нангхуша по совѣту своего мужа. Передадимъ это словами былины: „Насталъ день возвращенія воиновъ, насталь день возвращенія сватовъ. Жена его, схвативъ себя за волосы, бросила

¹⁾ Но также «поставить» и «положить». Для выраженія «выдать за мужъ» есть и другіе глаголы, напр. танідем.

²⁾ Первое слово состоитъ изъ та и-калы, окончанія sagitiv'a-ta и неи—женщина. Образовано оно аналогично русскому слову «безприданница». «Тантаней» могло бы соответствовать выражению «безкалынича».

себя на половицы дощатаго пола (и сказала): «Батюшка, я собираюсь отправиться къ хлѣбороднымъ источникамъ чужеземной страны, къ рыбнымъ источникамъ чужеземной страны. Буду-ли я матерью сыновей или дочерей, когда я прибуду въ городъ богатырей Йаветта-кѣтпе, то сѣдоголовыя женщины и бѣлоголовые старцы будутъ меня спрашивать: младшая дочь князя Нангхуша, молодица! то, что ты привезла изъ отцовскаго дома, дай сюда! Батюшка! что я тогда дамъ? Дай мнѣ серебряный листъ, подъ которымъ могутъ укрыться 300 человѣкъ, тогда я пойду; если не дамъ, не пойду, и пусть меня разрубить на двѣ части и я буду плавать въ крови!»“

Эти слова, разсчитанные на то, чтобы разжалобить отца, какъ можно было себѣ представить, вполнѣ достигли своей цѣли. Видя такое отчаянное положеніе своей дочери, чадолюбивый отецъ расплакался отъ умиленія и исполнилъ ея желаніе. Подобнымъ же образомъ она выпросила у него большой мѣдный семи-ушковый котель, изъ котораго могли юсть 300 человѣкъ.

Когда молодые прїѣзжали въ домъ мужа, послѣдній въ свою очередь устраивалъ большой пиръ. Пріемъ молодухѣ былъ весьма радушный. Старыя женщины, вѣроятно въ томъ числѣ и мать мужа, угожали ее разными яствами, подносили ей пѣнящуюся чашу и дѣлали подарки. Съ этихъ поръ роль женщины въ былинахъ героическихъ сказаніяхъ почти прекращалась. Вся остальная жизнь ея проходила въ заботахъ по дому и въ воспитаніи дѣтей, занятіяхъ, не воодушевлявшихъ осяцкую музу.

Если сравнить теперь положеніе дѣвицы у древнихъ Остяковъ съ такимъ у прежнихъ Финновъ по Калевалѣ, то мы замѣтимъ значительную разницу между тѣмъ и другимъ. Финская дѣвица стоитъ въ духовномъ и нравственномъ отношеніи гораздо выше Остячки. Она не является бездушной вещью въ рукахъ продавца-отца и покупателя-жениха, какъ молодая Остячка, и не имѣть необходимости тайно ото всѣхъ сноситься съ избранникомъ своего сердца и умолять его выручить ее, напротивъ она одна распоряжается своими чувствами и, пользуясь этимъ, даетъ претендентамъ на ея руку почувствовать, что она знаетъ себѣ цѣну.

Если осяцкій богатырь борется съ внѣшними врагами, увѣренный, что, выдержавъ успѣшно эту борьбу, сдѣлается обладателемъ своей нареченной, финской юноша долженъ быть, благодаря прихоти своей невѣсты, совершивъ массу разныхъ трудноисполнимыхъ подвиговъ и то не быть увѣренъ, увѣичается ли успешное исполненіе ихъ ея согласіемъ на бракъ. Часто безсердечная красавица опять придумывала новые подвиги и опять женихъ ея долженъ быть подвергать свою жизнь опасности. Впрочемъ она мало и заботилась, придетъ ли ея женихъ обратно или нѣтъ, такъ какъ ихъ у хорошихъ невѣсть всегда имѣлось достаточно.

ГЛАВА VIII.

Способы веденія войны.

Причины войнъ.—Сборы къ походу.—Обряды при отправлениі.—Остановки.—Первые встречи съ подданными отца невѣсты.—Способы веденія войны на открытомъ полѣ.—Лазутчики.—Караульные.—Сраженіе.—Борьба князей другъ съ другомъ.—Враги иногда расходились, давъ клятву болѣе не воевать другъ съ другомъ.—Лишеніе убитаго врага доспѣховъ и скальпа.—Богатыри съѣдали иногда сердца враговъ.—Засады противъ плывущихъ на лодкахъ враговъ.—Исправленіе укрѣплений.—Осада городковъ и взятие ихъ штурмомъ и голодомъ.—Союзы князей, какъ средство противъ сильныхъ враговъ.—Военная тактика Самоѣдовъ.

Остановимся теперь на способахъ веденія войны у прежнихъ Остяковъ. Главной причиной войнъ было, какъ мы знаемъ, желаніе князей добыть себѣ женъ, которыхъ они не могли искать среди жительницъ своего города. И этой одной причины, помимо другихъ, было достаточно, чтобы въ странѣ Остяковъ велись почти безпрерывныя войны между отдѣльными князьями, если принять во вниманіе, что между представителями каждого остяцкаго княжескаго рода числилось нѣсколько лицъ мужскаго пола и что богатыри имѣли часто нѣсколько женъ.

Разъ князья рѣшили между собою походъ, они устраивали общественные жертвоприношения и пиръ для всѣхъ жителей города и селеній. Тутъ они объявляли народу о своемъ рѣшеніи и, посовѣтавшись со стариками, производили наборъ воиновъ известнымъ намъ образомъ. При этомъ они руководились не столько возрастомъ своихъ подданныхъ, сколько ихъ годностью къ военной службѣ (см. выше). Передъ тѣмъ, что распустить народъ по домамъ, князья дѣлали свои послѣднія распоряженія, именно, выбраннымъ воинамъ приказывали быть готовыми къ походу на зарѣ слѣдующаго дня, а остающимся дома, преимущественно старикамъ, явиться утромъ на «жердянную» пристань для проводовъ.

Послѣ всего этого князья отходили ко сну, чтобы утромъ съ бодрыми силами снарядиться въ путь. Но, какъ себѣ легко представить, рой мыслей, кружившийся въ ихъ головахъ въ виду столь опаснаго предпріятія, часто разгонялъ сонъ и у этихъ суровыхъ людей, что остяцкій бардъ весьма фигурируетъ словами: «хоть онъ и легъ на цвѣтные ковры, (какъ будто) на ручкѣ топора, на ручкѣ ножа онъ лежалъ» или такъ: «будто онъ лежалъ на блошиномъ и вшивомъ мѣстѣ». И только къ утру усталость брала верхъ, и князь впадалъ въ глубокій сонъ. А между тѣмъ воины, согласно наказу, собирались на разсвѣтѣ за стѣнами города и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаний снаряжали сани или лодки, смотря по времени года, и укладывали въ

нихъ разный товаръ и цѣнныя вещи, предназначенные для калыма и въ дары родственникамъ невѣсты: красное и черное сукно, шелкъ, серебряную утварь, кольчуги и т. д.

Богатырь вставалъ, одѣвалъ свои доспѣхи и, выйдя на улицу, клалъ 7 поклоновъ передъ «священнымъ столбомъ съ божескимъ ликомъ» (тѣ рум ван' ма п' яемынъ јухъ). Когда отрядъ былъ готовъ выступить въ путь, остающіеся дома старики, пришедшіе ихъ проводить, троекратно громко вскрикивали, какъ того требовалъ обычай. Въ былинѣ говорится: „Громкій крикъ, который принято кричать при отчаливаніи воиновъ, они крикнули. До вершины низкаго дерева и до середины высокаго онъ достигъ. Второй крикъ достигъ до пути пестрыхъ облачковъ; третій крикъ достигъ до Золотаго свѣта, Отца. Младшій мужъ сказалъ: «послушай, братъ, выступимъ теперь съ нашими воинами, съ нашими сватами со стрижеными головами: до Отца нашего, Золотаго Свѣта, онъ достигъ, не наступить для наасъ день пораженія и смерти»“.

Послѣ этого трогались въ путь, причемъ лѣтомъ они гребли сильными взмахами одного весла, которое опускали въ воду у носа лодки и вынимали изъ воды у кормы, зимой ихъ уносили быстроногіе олени, запряженные по два въ легкія санки.

Когда они проѣзжали мимо высокихъ мысковъ, жившій тамъ народъ ставилъ имъ, какъ богамъ, пѣнящіяся чаши въ жертву и приводилъ жертвенныхъ животныхъ. Кое-гдѣ и сами они дѣлали привалы, чтобы приносить жертвы богамъ и просить у нихъ «спинную и брюшную силу». Эти привалы продолжались обыкновенно не менѣе дня и служили въ то же время и отдыхомъ для уставшихъ гребцовъ.

Первые встрѣчи съ людьми того княжества, въ которое былъ направленъ походъ, не всегда имѣли враждебный характеръ. Часто переговоры, которые велись обѣими сторонами относительно отдачи невѣсты и касательно размѣра калыма имѣли столь благопріятный исходъ, что все предпріятіе кончалось бракомъ прїезжаго князя съ дочерью мѣстного, и воины того и другого праздновали это событие общимъ пиромъ. Подобные случаи, хотя и упоминаются въ героическихъ разсказахъ, но по своей обыденности не служили имъ темой, какъ другіе, не менѣе рѣдкіе случаи, когда никакие переговоры не приводили къ желаемымъ результатамъ и когда мечъ долженъ былъ рѣшать споръ. Кровопролитіе во время сватовства было дѣломъ столь обычнымъ, что въ былинахъ слова «свадьба» (моi) и «сватъ», «поѣзжанинъ» (моi-хoи) очень часто употребляются рядомъ со словами «война» (т'а т') и «войнъ» (т'а т'-хoи), какъ бы въ качествѣ синонимовъ послѣднихъ, и, какъ слово «война», такъ слово «свадьба», имѣютъ одни и тѣ же эпитеты: єх-та, пір-та, что значитъ «безголовая», «безвозвратная». Это намъ и объясняетъ, почему женихъ, отпра-

вляясь сватать дѣвицу, не могъ ограничиться немногими людьми, а бралъ съ собой цѣлый отрядъ.

Возвратимся однако къ прежнему и опишемъ первоначальную встрѣчу двухъ князей, по одному героическому разсказу, гдѣ этотъ эпизодъ довольно подробно изложенъ. Когда воины послѣ продолжительного плаванія были вблизи вражескаго города, «ихъ увидѣли дальноворкіе и услышали чуткіе ухомъ». Князь съ сыномъ вышли на пристань встрѣтить гостей, а пріѣхавшіе богатыри, между тѣмъ, подъѣзжая къ берегу, показывали все свое умѣніе править лодкой, заставляя ее извиваться по водѣ подобно выдрѣ и въ знакъ бодрости духа своего «свистѣли изъ толстаго и тонкаго горла». На разстояніи выстрѣла изъ лука они остановили лодки и, уперевъ конецъ лука въ дно, выпрыгнули на берегъ, не боясь могущихъ быть козней. Князь пригласилъ ихъ въ большой домъ, предназначенный для сбора воиновъ и сватовъ, и далъ имъ двухъ женщинъ воду носить и кушанье варить и человѣка, чтобы дрова рубить. Кроме того, ихъ снабдили пищей и питьемъ. Несмотря на такой, повидимому радушный, приемъ со стороны мѣстнаго князя Нанг-хуша, всетаки обѣ стороны осторожались другъ друга, такъ какъ взаимныя отношенія ихъ еще не выяснились. Тѣ и другое выставили ночью караульныхъ, чтобы слѣдить за противниками. На разсвѣтѣ они начали вести переговоры.

Способы веденія войны были различны въ зависимости отъ характера противниковъ и отъ занимаемой ими позиціи. На малочисленнаго врага Остяки обыкновенно нападали стремительно, осыпая его при этомъ тучами стрѣлъ. Если ихъ нападеніе бывало отбито, они разбѣгались, но вскорѣ собирались и нападали снова. Обыкновенно же слабѣйшая сторона скоро падала духомъ и обращалась въ бѣгство. Только лучше организованные и вооруженные отряды Татаръ и Русскихъ могли съ успѣхомъ выдерживать атаки Остяковъ, превосходящихъ ихъ численностью.

Если приходилось имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ, расположившимся въ неукрѣпленномъ мѣстѣ, то остяцкая военная тактика того времени требовала не вступать съ нимъ въ открытый бой, а, улучшивъ минуту, застать его врасплохъ и произвести на него внезапное нападеніе. Чтобы этого вѣрнѣе достигнуть, нападающіе посылали впередъ разведчиковъ. Они должны были подкрасться къ непріятельскому стану и все вывѣдать. Въ качествѣ этихъ лазутчиковъ въ остяцкихъ былинахъ иногда выступаютъ кукушки. Въ ихъ образѣ вѣщіе князья умѣли обращать свои шапки, бросая ихъ вверхъ. Ихъ же посылали въ качествѣ вѣстницъ, если требовалась скорая помощь отъ какого-нибудь союзного князя. Если сообщеніе кукушки было благопріятно нападенію, то весь отрядъ двигался впередъ, но столь осторожно, «чтобы ни

соринка, ни былинка не шелохнулась», какъ говорится въ былинѣ, и кровопролитіе кончалось истребленіемъ враговъ.

Но конечно такія столкновенія не всегда оканчивались столь благопріятно для нападающихъ. Располагаясь на ночевку въ неукрѣпленномъ мѣстѣ и при томъ въ военное время, отрядъ для обезпеченія себя отъ внезапныхъ нападеній выставлялъ караульныхъ. Они постоянно сменялись. Тѣ же предосторожности соблюдались, если отряду приходилось дѣлать стоянку во вражеской странѣ. Въ нашемъ разсказѣ это такъ описывается: «если на одной сторонѣ какой-нибудь мужъ ложился, на другой сторонѣ какой-нибудь мужъ бодрствовалъ, и когда спавшій пробуждался, бодрствовавшій ложился. Въ чужой землѣ, на чужихъ водахъ ими въ слѣдствіе неизвѣстности овладѣваетъ страхъ». Эти караульные иногда замѣчали лазутчиковъ или самихъ подкрадывающихся волновъ, будили своихъ, и тогда нерѣдко нападавшіе несли большой уронъ.

Сраженіе Остяки всегда начинали стрѣльбой изъ луковъ, при чёмъ старались нанести врагу побольше вреда и потомъ уже мало по малу сходились и вступали въ рукопашную. Какъ всѣ дикие народы, они не умѣли сражаться сомкнутыми рядами, а дрались въ разсыпную, причемъ каждый выискивалъ себѣ противника, чтобы съ нимъ схватиться.

Если въ числѣ враговъ имѣлись и князья, закованные въ кольчуги, то ихъ противники выжидали обыкновенно случая, когда разгоряченный боемъ богатырь снималъ ее, чтобы свободнѣе подышать и тогда мѣткая стрѣла прошла его. Богатырь, однако, сознавая свою уязвимость безъ кольчуги, былъ тоже на сторожѣ и нерѣдко спасался отъ стрѣлы тѣмъ, что, услышавъ шумъ тетивы, присѣдалъ или подпрыгивалъ къ верху. Такъ дважды избѣгъ смерти въ одной былинѣ Геврь-богатырь, но въ третій разъ стрѣла его пронзила, когда онъ одѣвалъ кольчугу черезъ голову и не слыхалъ шума вражескаго лука. При подобныхъ же обстоятельствахъ остяцкій богатырь Салханъ, герой Демьянской области, убилъ самоѣдскаго князя, осаждавшаго остяцкій городокъ на мысу Каттида вѣнда¹⁾). Остяки, преслѣдуемые Самоѣдами, засѣли въ городкѣ, и самоѣдскій князь во главѣ своихъ сталъ рубить палисады. Ему сдѣлалось жарко, онъ откинулъ назадъ верхъ своей кольчуги и обнажилъ при этомъ свой лобъ. Слѣдившій за нимъ Салханъ, пустилъ въ него стрѣлу сквозь прорубленное имъ отверстіе и тотъ палъ, пораженный въ переносъ. Нападеніе Самоѣдовъ послѣ этого было отбито.

Иногда, если вражескій богатырь ни при какихъ условіяхъ не снималъ своего «душу спасающаго одѣянія», его противники молили Бога, чтобы онъ послалъ сильный жаръ, что Онъ обыкновенно, по своей милости, и исполнялъ

¹⁾ Находился около нынѣшней дер. Готиловой (Дем. вол.), которая отъ него и получила свое имя.

и богатырь легко произалъ своего беззащитнаго врага. Поразить богатыря даже при подобныхъ условіяхъ считалось все же большимъ подвигомъ.

Мечами осяцкіе богатыри повидимому не часто рубились на поединкахъ, а употребляли ихъ или для своей защиты или въ сраженіи съ простыми людьми, не имѣвшими подобнаго оружія. Богатырей же они рубили мечемъ почти только въ томъ случаѣ, если имъ удавалось захватить ихъ въ расплохъ, напр. подкравшись сзади. Къ такому выводу по крайней мѣрѣ можно придти на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ героическимъ эпосомъ.

Состязаніе двухъ богатырей не всегда впрочемъ кончалось смертью одного изъ нихъ. Случалось, что, если оба противника не могли нанести другъ другу смертельной раны въ продолженіи долгаго времени, они расходились, давши взаимную клятву не сражаться впредь другъ съ другомъ, пока будуть живы, «а, если кто изъ насть нарушилъ эту клятву, говорили они, то пусть съ него сдерутъ его радужноотливающуюся головную кожу». Это тоже нѣсколько напоминаетъ западныхъ рыцарей, которые въ подобныхъ случаяхъ имѣли еще обыкновеніе мѣняться оружіемъ. Какой обрядъ они совершили при заключеніи клятвы здѣсь, въ этомъ разсказѣ, не упоминается, но изъ другихъ мы знаемъ, что при этомъ цѣловали щучій носъ и огонь ¹⁾). При соблюденіи этого обряда vogульскій князекъ Китвор-богатырь заставилъ побѣжденныхъ имъ Самоѣдовъ поклясться, что они впредь не будутъ дѣлать набѣговъ на его землю. Можетъ быть при этомъ цѣловали и медвѣжью морду или разрѣзали ее ножемъ, какъ оно нынѣ водится у Сибирскихъ Угровъ, какъ у язычниковъ, такъ и у крещеныхъ.

Убитаго врага лишали его доспѣховъ и побѣдитель бралъ ихъ себѣ. Иногда побѣженный богатырь, умирая, самъ бросалъ ихъ врагу, чтобы не быть ограбленнымъ послѣ смерти, такъ, напр., поступилъ Геврь-богатырь.

Чтобы доставить себѣ больше славы, а врагамъ униженія, побѣдители имѣли обыкновеніе снимать съ нихъ ихъ головную кожу ($\hat{u}x\text{-}s\hat{o}x$). Ея эпитетъ въ осяцкихъ былинахъ — «радужнымъ цвѣтомъ отливающаяся» — вѣроятно зависѣлъ отъ чернаго цвѣта ихъ волосъ, имѣющихъ дѣйствительно на солнцѣ радужную игру. Впрочемъ, дословный переводъ осяцкихъ словъ этого эпитета: соі волпай ²⁾ мнѣ неизвѣстенъ. Лишеніе головной кожи вѣроятно имѣло еще и другой мотивъ, именно основанный на своеобразномъ вѣрованіи Остяковъ въ загробную жизнь. Есть основаніе предполагать, что по ихъ понятіямъ душа человѣка, лишенного скальпа, окончательно умирала. Эти кровавые трофеи такъ же высоко цѣни-

¹⁾) Вѣроятно въ знакъ того, чтобы вода и огонь истребили клятвопреступника.

²⁾) „Подобная «зеркальцу» гагары (соі)“ — по словамъ Остяковъ, есть точный переводъ этого выраженія. Соі, по Кастрену, *anas clangula*.

лись въ тѣ времена у Остяковъ, какъ еще отчасти теперь среди нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ Индійцевъ Сѣв. Америки. Уваженіе къ князю росло по мѣрѣ накопленія у него непріятельскихъ скальповъ. Съ другой стороны побѣжденный богатырь, если еще не терялъ сознаніе, всячески старался помѣшать своему противнику лишить его головной кожи. Вотъ какими словами обратилась къ остаткому богатырю голова самоѣдскаго князя Сось-Турума — ей удалось спастись отъ него въ рѣчку: «Богатырь, носящій виушающую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, зачѣмъ пришелъ ты въ страну, куда не добраться даже звѣрю? Убѣгая отъ тебя и укрывая мою радужно-отливающую головную кожу, я прибѣгалъ къ сотни уловокъ, ко всевозможнымъ уловкамъ. Если ты взойдешь сюда въ воду, то ты мужъ, живущій въ свѣтломъ миру, войдешь на много, много лѣтъ... Когда ты повернешь къ дому твою косатую, славную ¹⁾ голову, то среди дома полнаго мужей и женъ не говори, что тебѣ удалось содрать со старого Сось-Турума его радужно отливающую головную кожу». Въ этихъ словахъ мы видимъ какъ бы торжество побѣженаго врага; они какъ бы говорятъ: «если все прошло, то хоть честь спасена».

Обычай скальпировать убитыхъ враговъ былъ въ прежнее время распространенъ не только у Остяковъ, но и у Богульцевъ, о чёмъ сообщаетъ г. Гондатти ²⁾, а также и у Самоѣдовъ, на что имѣются намеки въ героическихъ разсказахъ Остяковъ.

Есть нѣкоторыя указанія на то, что богатыри иногда съѣдали сердца своихъ побѣженныхъ враговъ, причемъ они въ данномъ случаѣ руководились скорѣе желаніемъ, чтобы сила послѣдняго перешла къ нимъ, чѣмъ чувствомъ мести. Въ былинахъ подобного случая мы не встрѣчаемъ, а въ одномъ героическомъ разсказѣ Остяковъ Темлячевской волости. По этому преданію въ отдаленное время на мѣстѣ теперешнихъ юртъ Б. Атлымскихъ (Берез. окр.) проживалъ богатырь Сенгеповъ. Онъ чинилъ постоянные набѣги на ихъ землю и на страну по нижнему Иртышу. Однажды мѣстные жители собрались ему отомстить и пошли на него войной, но, придя туда, не застали его въ живыхъ. Имъ передали, что онъ умеръ въ слѣдствіе того, что сквозь него пролетѣла птица въ родѣ гагары, (тѣр-вѣре); образъ ея, по ихъ мнѣнію, принялъ злой духъ. Тогда они отправились на кладбище, гдѣ онъ недавно былъ похороненъ, вырыли его и, вырѣзавъ у него сердце, крѣпкое какъ камень, разрубили его на части и съѣли. Этотъ единичный фактъ не имѣлъ бы самъ по себѣ значенія, какъ вообще вѣсЬ единичные случаи, если бы о подобныхъ обычаяхъ древнихъ Угровъ не

¹⁾ Здѣсь пропущенъ эпитетъ головы тѣбынъ, смыслъ котораго теменъ и для ино-родцевъ.

²⁾ «Тр. Этн. Отд. О. люб. ест., антр. и этн.», кн. VIII, 88, стр. 64.

передавали намъ и другіе изслѣдователи ихъ. Напр. г. Гондатти¹⁾—о прежнихъ Богулахъ и лѣтописецъ Регинонъ²⁾ относительно древнихъ Мадьяръ. И каждый изъ нихъ даетъ этому обычаю свое объясненіе: мнѣніе первого изъ нихъ, согласное съ нашимъ предположеніемъ, приведено выше, а второй полагалъ, что сердца убитыхъ враговъ употреблялись Мадьярами, какъ лѣкарство.

Защищою укрѣпленныхъ мѣстъ служили валы, рвы, палисады, но такъ какъ и они не могли бы оказать большой помощи въ случаѣ нападенія въ расплохъ, то горожане заблаговременно ставили дозорныхъ, для предупрежденія объ опасности. Иногда помѣщали ихъ на помостахъ, устроенныхъ на высокихъ столбахъ, поставленныхъ въ городѣ, какъ о томъ повѣствуетъ одно сказаніе. Эта предосторожность оказывалась не лишней въ мѣстности съ не вполнѣ открытымъ кругозоромъ.

Употреблялся еще другой способъ для свѣдѣнія о приближеніи враговъ: поперекъ рѣки или воднаго бассейна, гдѣ былъ расположенъ городъ, протягивали бичеву или проволоку (сѣтку). Конецъ его находился въ городѣ. Враги, ничего не подозрѣвая, наѣзжали на него и расшевеливали или даже умышленно перерѣзывали его, а граждане тотчасъ выступали противъ пришельцевъ. Въ одной изъ записанныхъ мною былинъ такая «вѣстовая» проволока была изъ золота (сѣрній сѣтка) и имѣла толщину «мясистаго пальца». Г. Гондатти описываетъ шнуры съ навѣшенными на нихъ бубенчиками: по звону ихъ въ городѣ узнавали объ опасности.

Противъ людей, ѿдущихъ на лодкахъ, устраивали своего рода мины, втыкая въ воду не далеко отъ поверхности поперечный рядъ кольевъ, обращенныхъ остриемъ въ ту сторону, откуда ожидались враги³⁾. Послѣдніе, наѣзжая на нихъ сильными взмахами весель, ломали и опрокидывали свои лодки и дѣлались добычей стерегшихъ ихъ воиновъ. Особенно гибельны были подобные засады для берестяныхъ лодокъ. Онѣ при этомъ неминуемо тонули, а люди, сидѣвшіе въ нихъ, часто изувѣчивались. Противъ этихъ берестяныхъ ладій также дѣйствовали лукомъ и стрѣлами. Славные богатыри впрочемъ пробивали съ легкостью и осиновки и топили ихъ.

Передъ началомъ войны горожане укрѣпляли свой городъ, исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые палисады. Такъ надо понимать тѣ преда-

¹⁾ L. c. «Убивъ врага, они всегда сѣѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожиль».

²⁾ Regino 889 (P. ss, I, 600) «...corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant». (въ «Зап. Ист.-Фил. фак.» ч. IX, стр. 318).

³⁾ Объ этомъ способѣ обороны мнѣ сообщили Ачирскіе Татары, которые, безъ сомнѣнія, суть потомки отатарившихся Богульцевъ. Они живутъ въ сѣверной части Эскалбинской волости (Тоб. окр.).

нія о нѣкоторыхъ городкахъ, напр., про Вош-јега-вош¹⁾: онъ въ военное время выросталъ на 7 копьевищъ или 7 сажень,—и о другомъ городѣ Жам-вош—онъ имѣлъ «бабье сердце» и при открытии войны уходилъ въ землю.

Укрѣпленныя мѣста Остяки брали, смотря по обстоятельствамъ, или приступомъ или же голодомъ. Первый случай имѣлъ мѣсто, если приходилось воевать съ несильнымъ противникомъ или если городъ не былъ хорошо укрѣпленъ. Рвы и валы,—на сѣверѣ обыкновенно незначительныхъ размѣровъ,—оказывали лишь слабое сопротивленіе подступающему врагу. Лишь палисады, если они имѣлись, останавливали его настолько, чтобы дать возможность защитникамъ собраться съ силами и отбить приступъ. Добравшись до этихъ стѣнъ, богатыри выхватывали изъ за пояса свои огромные топоры и начинали сокрушать дерево. Но работа, не смотря на силу богатырей, врядъ ли подвигалась быстро впередъ. Кажется, не всѣ простые люди имѣли топоры и большая часть изъ нихъ была обречена на бездѣйствіе. Защитники въ свою очередь не зѣвали и осыпали ихъ сверху градомъ стрѣль и валили на нихъ бревна. Скатываясь по откосу укрѣпленія, они увлекали съ собою внизъ и взбиравшихся воиновъ. По мнѣнію Остяковъ, отъ седьмаго бревна не могъ уйти и самый проворный Самоѣдъ. Иногда же жителями, спрятавшимися въ городѣ, овладѣвалъ такой страхъ при видѣ многочисленныхъ враговъ, что они почти не были способны что либо предпринять, и тогда спасеніе всецѣло зависѣло отъ храбрости князя. Улучшивъ моментъ, онъ пронзалъ вражескаго вождя стрѣлой и тѣмъ производилъ временное смятеніе въ средѣ враговъ. Такимъ образомъ былъ спасенъ отъ нападенія Самоѣдовъ осяцкій городокъ на мысу Каттида вѣнда, какъ мы видѣли раньше. Когда самоѣдскій князь палъ пронзенный, стрѣлой Салхана, ободренные этимъ Остяки сдѣлали вылазку и нанесли врагамъ сильное пораженіе. Едва небольшая часть изъ нихъ спаслась бѣгствомъ. Крови было пролито такое количество, что, по словамъ мѣстнаго преданія, земля здѣсь окрасилась въ красный цвѣтъ, и этой красной землей Остяки долгое время красили свои лодки. Напротивъ, городъ князя Нанг-хуша былъ взятъ приступомъ сыновьями князя Жаветта-кѣтпе-хуї, такъ какъ стрѣлы защитниковъ его не могли причинить вреда богатырямъ, защищеннымъ кольчугами, и тѣ ворвались въ городъ.

Когда городъ былъ сильно укрѣпленъ и, вообще, если разсчитывали встрѣтить сильное сопротивленіе, его обыкновенно не рѣшались брать приступомъ, а окружали его и принуждали сидѣвшихъ въ немъ къ сдачѣ, чтѣ обыкновенно происходило скоро, такъ какъ Остяки запасовъ на случай войны не дѣлали. Иногда въ подобныхъ же случаяхъ осаждающіе брали городъ хитростью,

¹⁾ Расположенъ около р. Вош-јега, въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ (М. Конд. вол.)

напр., дѣлали видъ, что уходять, а сами устраивали засаду, въ которую попадали вышедши изъ города люди. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается осада крѣпкаго города князя Іевра (Харада-вощ). Эпизоды ея столько интересны, что мы ихъ здѣсь вкратцѣ передадимъ. Тroe князей изъ города Карыпоспат-урда-т-вощ, опасаясь кровавой мести со стороны двухъ эмдерскихъ князей,—у нихъ они убили отцевъ,—бросаютъ свой слабо укрѣпленный городъ и плывутъ по Кондѣ къ своему союзнику, богатырю Іевру. У него былъ на рѣкѣ Іеврѣ крѣпкій «мѣдный городъ»,—съ устройствомъ его мы уже знакомы. Эмдерскіе князья преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. Когда тѣ заперлись вмѣстѣ съ мѣстными жителями въ крѣпости, они расположились за ея стѣнами и прервали всякое ихъ сообщеніе съ окружающей мѣстностью, гдѣ имѣлись озера, обильные рыбой, и лѣса, полные дичью. Вскорѣ въ оградѣ, гдѣ скопился народъ изъ двухъ городовъ, появился сильный голодъ. Когда осажденные, находясь въ крайности, не знали, что предпринять, надъ ихъ головами пролетѣлъ воронъ, державшій во рту рыбку. Тогда голодные жители не вытерпѣли и решіли, не смотря на присутствіе враговъ, выдти изъ за стѣнъ и отыскать рыбную рѣчку, а эмдерскіе, въ свою очередь, чтобы имъ не мѣшать, приняли образъ змѣй и легли у воротъ города. Тѣ вышли изъ за палисада, наловили въ Іеврѣ рѣкѣ массу рыбы и главный богатырь этой области, Іевръ, сталь ее дѣлить. Но когда, вспотѣвъ, онъ снялъ кольчугу, его пронзила стрѣла одного изъ враговъ. Какъ только палъ ихъ самый сильный противникъ, они бросились на своихъ личныхъ враговъ, князей города Карапоспат-урда-т-вощ, и убили младшаго изъ нихъ. Старшіе же спаслись только благодаря заступничеству самого Бога. Городъ же и прочій народъ остались невредимы, такъ какъ вся война была ими ведена лишь изъ кровавой мести къ названнымъ тремъ князьямъ.

Этотъ разсказъ имѣеть для насть еще другой интересъ. Онъ показываетъ, что осяцкіе князья иногда заключали между собою союзы или коалиціи, чтобы противостоять болѣе сильнымъ врагамъ. Изъ одного разсказа мы видимъ, что и Осяцкіе городки: находившійся на мысу Каттида ванда и Вощ-јега-вощ были союзниками, заключившими между собою оборонительный и отчасти наступательный союзъ. Въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, сторона, подвергавшаяся нападенію, выставляла на высокихъ шестахъ куски краснаго сукна въ видѣ флаговъ. Она тѣмъ давала знать своему союзнику объ опасности, ей угрожавшей. Вѣсть о появлѣніи красныхъ флаговъ быстро передавалась разсѣянными всюду рыболовами и охотниками съ одного мѣста въ другое и доходила до ихъ союзниковъ. Они тогда спѣшили на помощь утѣшенному. Говорятъ, что и теперь горный берегъ Иртыша, гдѣ находится мысъ Каттида-ванда, отчасти видѣнъ въ ясные дни съ Конды, такъ что извѣстіе объ открытии войны весьма скоро могло достигнуть до на-

ходившагося здѣсь городка, расположеннаго сравнительно недалеко отъ этой рѣки.

Эти союзы имѣли особенное значеніе при войнахъ съ Самоѣдами, а въ послѣдствіи съ Татарами и Русскими.

Самоѣды часто дѣлали набѣги большими ватагами въ 200—300 человѣкъ, и остыакіе князья не всегда могли имъ противопоставить соотвѣтственное число воиновъ. Кромѣ того нападенія свои они производили иногда столь стремительно, что часто заставали Остяковъ върасплохъ и не давали имъ времени собраться. Если же Самоѣды встрѣчали сильное сопротивленіе, то столь же быстро пропадали, захвативъ съ собою награбленное имущество и женъ Остяковъ и уводя ихъ стада оленей. Это особенно касалось зимняго времени, когда замерзшія озера, рѣки и болота открывали повсемѣстно пути и когда жители, даже предваренные обѣ опасности, не знали, съ какой стороны произойдетъ нападеніе. При такихъ походахъ Самоѣды всегда брали съ собой стада оленей. Съ ними они быстро переносились съ одного мѣста на другое и въ тоже время имѣли всегда пищу во время пути. Благодаря этому, Самоѣды были въ состояніи вести продолжительныя осады городковъ и принуждать ихъ жителей, не обеспеченныхъ въ провіантѣ и отрѣзанныхъ отъ всего окружающаго, къ сдачѣ.

Набѣги свои Самоѣды производили и лѣтомъ, причемъ поднимались тогда на своихъ легкихъ, часто берестяныхъ, лодкахъ вверхъ по рѣкамъ. Пользуясь тѣмъ, что въ это время года все мужское населеніе занято рыбнымъ промысломъ, они незамѣтно подплывали къ стоянкамъ, грабили жилища Остяковъ и уводили съ собой ихъ женъ и дѣтей. Въ томъ же случаѣ, если ихъ встрѣчали Остяки въ превосходномъ числѣ, они бросались въ лодки и быстро исчезали, оставляя своихъ противниковъ позади, такъ какъ по суши перебѣгали черезъ всѣ перешейки и волоки, унося съ собою свои легкія ладьи, чего не могли сдѣлать Остяки, имѣвшіе сравнительно грузныя деревянныя лодки.

Своими набѣгами Самоѣды тревожили въ предѣлахъ Тобольского округа всю область нижняго Иртыша до Демьянки и область Конды, причемъ въ послѣдній край они спускались на ладьяхъ по р. Таль, впадающей въ Конду. У жителей Кондинскаго края они болѣе известны подъ названіемъ «Тавдинскаго народа»: Тавда-ях (у Бог.—во і Тавдітта (?).)

Какъ мы видѣли, тактика Самоѣдовъ была тактикой многихъ другихъ кочевыхъ племенъ. Мы знаемъ, какой успѣхъ они часто имѣли при столкновеніи съ осѣдлыми народами, даже значительно болѣе образованными, чѣмъ были Остяки. Понятно, что для послѣднихъ было весьма важно имѣть союзниковъ, которые могли бы въ случаѣ необходимости увеличить ихъ военную силу и тѣмъ самыемъ дать возможность во время отразить врага.

Во время завоевания Русскими долины Иртыша и Оби казаки всюду встречали значительные скопища Остяковъ, составлявшихъ войска союзныхъ князей. Такъ князь Демьянской волости Нимыянъ собралъ въ свою обширную крѣпость до 2000 бойцовъ, причемъ въ качествѣ союзниковъ его были не только Остяки разныхъ мѣстностей, но и Кондинскіе Вогульцы. Далѣе исторія отмѣтила, что подъ Самарскимъ мысомъ казаки застали въ расплохъ спящихъ Остяковъ и изрубили ихъ. Въ числѣ убитыхъ находился мѣстный князь Самарь и его восемь союзныхъ князей.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Былины—историческіе разсказы о подвигахъ богатырей, опоэтизованные народной фантазіей.—Ихъ реализмъ.—Куда дѣлись богатыри?—Взглядъ Остяковъ на этотъ предметъ.

Мы не будемъ дольше останавливаться на выводахъ о жизни прежнихъ Остяковъ и ихъ міровоззрѣніи, на основаніи данныхъ былинъ и героическихъ сказаний, напримѣръ, обѣихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на упомянутые виды Остяцкой народной поэзіи. Ихъ можно рассматривать, или какъ произведенія народнаго творчества, въ основаніе котораго легло знакомство ихъ съ окружающимъ міромъ и ихъ представлениемъ о богахъ и прежнихъ людяхъ, или какъ историческіе разсказы о подвигахъ прежнихъ князей, опоэтизованные фантазіей ихъ авторовъ и пѣвцовъ.

Мы склоняемся рѣшительно въ пользу этого послѣдняго мнѣнія. Доказательствомъ можетъ служить неподдѣльный реализмъ, что всюду проглядываетъ въ былинахъ. Всѣ ихъ географическія и топографическія данныя настолько вѣрны и точны, что позволяютъ намъ судить о мѣстахъ происшествія разныхъ событий. Самый типъ богатыря тоже вполнѣ реаленъ. Если мы откинемъ нѣкоторыя фантастическія черты его характера и нѣкоторыя сверхъестественные его способности, то мы будемъ имѣть передъ собой остатка князька, мало чѣмъ отличного отъ тѣхъ, коихъ еще застали Русскіе при ихъ появлениі въ Зап. Сибири. Ихъ большая сила и лучшее физическое развитіе зависѣли отъ болѣе изобильной пищи и отъ лучшихъ условій жизни. Это представленіе обѣихъ большой силѣ и непобѣдимости зависѣло и отъ ихъ лучшаго вооруженія, которое они могли имѣть, благодаря своему сравнительному богатству. А что кольчуги и мечи у нихъ дѣйствительно имѣлись, показываютъ многочисленныя ихъ находки, а также свидѣтельство прежнихъ бытописателей этого края. Наконецъ, образъ жизни богатырей, ихъ занятія,

домашняя обстановка, все такъ сходно съ тѣмъ, что мы еще теперь застаемъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ осяцкаго и вогульского края и съ тѣмъ, что еще недавно имѣло мѣсто въ теперь обрусквшихъ мѣстностяхъ, чтѣ нѣть никакой необходимости приписывать все это фантазіи народа.

Не безинтересно будетъ знать читателю, какова же была судьба осяцкихъ богатырей, о коихъ въ послѣдствіи уже ничего не упоминается. Нѣть сомнѣнія, они могли существовать только, пока врагами ихъ были столь же слабые противники, какъ и они. Когда же на югѣ появились Тюрки завоеватели, а въ послѣдствіе и Русскіе, то слава богатырей сразу померкла. Они не были въ состояніи вступить въ борьбу съ болѣе сильными и лучше вооруженными врагами и предпочитали сражаться наравнѣ съ прочими и въ случаѣ бѣды бѣжать вмѣстѣ съ ними, такъ какъ ихъ личные военные качества тутъ врядъ ли могли оказать имъ большую помощь. Съ этихъ поръ князьки стали утрачивать свою славу богатырей и свое обаяніе. Исчезло мало по малу то прежнее благоговѣніе Остяковъ къ своимъ князьямъ и замѣнилось болѣе равноправными отношеніями между обѣими сторонами. Народъ по прежнему признавалъ ихъ главами и слушался ихъ, пока это входило въ его интересы, въ противномъ же случаѣ дѣйствовалъ по своему.

Въ этомъ видѣ ихъ застаетъ исторія, и историкъ Фишеръ даетъ вѣрную характеристику осяцкаго князя XVI вѣка: «такой князекъ владѣлъ не полно-
властно, ибо народъ имѣлъ столь же великое право на него, какъ и онъ на
народъ; однако власть его въ решеніи спорныхъ дѣлъ была больше, нежели
другого». Немного времени спустя послѣ завоеванія Русскими С.-Западной Си-
бири большая часть осяцкихъ князей потеряла свое княжеское достоинство и
сравнялась съ простыми людьми.

Сами же Остяки иначе объясняютъ исчезновеніе богатырей въ ихъ странѣ.
Народъ не могъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ, допустить превращенія славныхъ
боготворимыхъ богатырей своихъ въ простыхъ смертныхъ. Въ умѣ его заро-
дились разныя болѣе поэтическія объясненія ихъ исчезновенія. Нахожденіе въ
лѣсахъ незамѣченныхъ ранѣе огромныхъ обломковъ камней, занесенныхъ еще
въ ледниковый периодъ въ эту страну, гдѣ совершенно нѣть скаль и камней,
наводило Остяковъ на мысль, что вѣрно это ихъ богатыри, спасаясь отъ но-
вой вѣры, приняли видъ этихъ камней. По ихъ рассказамъ, это случилось та-
кимъ образомъ: когда стала распространяться христіанская вѣра, богатыри,
вѣрные прежнимъ богамъ, стали удаляться въ болѣе глухія мѣста, но когда
все это не помогало, и новая вѣра все дальше и дальше проникала въ ихъ
страну, они уѣжали въ лѣса и тундры сѣвера и на западъ, на Ураль, и пре-
вратились тамъ въ каменные глыбы.

Нѣкоторые богатыри, судя по былинамъ, были взяты Богомъ на небо и

сдѣлались святыми. Имъ Остяки и теперь приносятъ жертвы и молитвы. Къ такимъ князькамъ принадлежать двое старшихъ сыновей князя города Карапоспат-вош. Извѣстны они у нынѣшихъ Кондинскихъ Остяковъ подъ именемъ Тега-тѣ-ї-гѣ-ен—«Старики съ вершины рѣчки», ибо настоящимъ ихъ жилищемъ считаются: старый городокъ Вош-јега-вош въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ и небольшой холмъ въ дачѣ Нюркоевскихъ, расположенные вблизи мелкихъ рѣчекъ и въ извѣстномъ разстояніи отъ Конды.

За великихъ святыхъ, живущихъ теперь на небѣ, считаются въ Кондинскомъ краѣ и прежніе Нахачинскіе богатыри Аї-ўрт (вог. Віші-о-тер), т. е. «Малый князь» и Ене-ўрт — «Большой князь», именуемый Vogульцами Іаны-кеныт-анчыхъ, т. е. «Старикъ съ большой шапкой», потому что въ такомъ видѣ его изображаютъ. Какъ при своей земной жизни они были великими воителями, такъ и послѣ перехода своего на небо они не перестали принимать участіе въ битвахъ. Въ виду того, что Остяки и Vogулы въ настоящее время войнъ не ведутъ, они являются союзниками Русскихъ въ ихъ войнахъ, истребляя въ видѣ «желѣзныхъ волковъ» (карт јева) ихъ враговъ¹⁾. Но, вообще богатырей, удостоившихся чести быть взятыми на небо, немного.

Другіе просто умерли въ разныхъ мѣстахъ, дома или сражаясь съ врагами. Но, гдѣ бы и какимъ бы образомъ они не погибли, души ихъ и понынѣ витаютъ надъ страной Остяковъ, посыпаютъ имъ удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ²⁾ и, будучи любимицами Бога, устраниютъ отъ нихъ многія бѣдствія, за что благодарные потомки молятся имъ, какъ добрымъ духамъ, и приносятъ имъ кровавыя жертвы и дары.

C. Паткановъ.

¹⁾ Кондинскіе Остяки увѣрены, что именно за эти услуги ихъ богатыреи русскіе цари освободили ихъ отъ воинской повинности.

²⁾ Въ сказаніяхъ: юнк хут' тѣдый аїтта, хар таш тѣдый аїтта.—букв.: «водную рыбу въ изобиліи найти, лѣсной товаръ въ изобиліи найти».